

Артемий Проводников
ВРУЧЕНО ЛИЧНО

Артемий Проводников

ВРУЧЕНО ЛИЧНО

<https://litres.ru/74571094>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ночная смена велокурьера заканчивается на Усачёвой, 26 статусом, которого Кирилл не ставил: «вручено лично». А через несколько часов клиентка, заказавшая эту доставку, исчезает — тихо, по-бытовому: заявление об увольнении, письмо «не ищите меня», сложенная детская коляска, мать в санатории. Единственный, кто в ту ночь стоял у её двери, — курьер.

Следом за ним идёт следователь Анна Крылова, и ей всё чаще кажется, что она ведёт не одно дело, а два: сегодняшнее — про пропавшую женщину, и старое — про мальчика в велокуртке, погибшего на Складочной. Оба дела сходятся к одной минуте. В компании «Ритм-Доставка» её называют срезом: каждую ночь, ровно в 03:40, система закрывает сутки. Двадцать секунд до этого среза стоят дороже человека.

Чтобы понять, что произошло, им придётся проехать ночную Москву по кольцу адресов, поднять справку о доставке, которой не было, и найти доказательство, которое нельзя переписать мышкой.

Содержание

Часть I. ПРИНЯТЬ ЗАКАЗ	4
Глава 1. Ночная смена	4
Глава 2. Заказ без звонка	12
Глава 3. Код получателя	21
Глава 4. Вручено лично	30
Глава 5. Последний контакт	38
Глава 6. Протокол	47
Глава 7. Дверь без хозяйки	56
Глава 8. Два времени	65
Глава 9. Слепая камера	73
Глава 10. Чужой профиль	81
Глава 11. Другой курьер	88
Глава 12. Сделка	95
Глава 13. Пакет без отправителя	102
Глава 14. Точка пересадки	110
Часть II. СВЕРИТЬ МАРШРУТ	118
Глава 15. Неизвестный отправитель	118
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Артемий Проводников

ВРУЧЕНО ЛИЧНО

Часть I. ПРИНЯТЬ ЗАКАЗ

Глава 1. Ночная смена

Ночь 1. 01:12. Дербеневская набережная, дарк-стор «Ритм-Юг»

Дождь начался в полночь и вёл себя как курьер-новичок: то притихал, то бросался из-за угла целой стеной.

Кирилл стоял под козырьком дарк-стора, придерживая велосипед бедром, и смотрел на экран телефона, где висел заказ, взятый минуту назад. Обычная ночная смена. Обычная пустая Москва. Восемь заказов на четыре часа, из них три — в Хамовниках, что почти удача.

Склад гудел за спиной. Оттуда тянуло горячим картоном и мокрым асфальтом, из открытых ворот выходили сортировщики с тележками, и каждые две минуты кто-то кричал в рацию:

— Юг, я на выезде.

Кирилл вывел на экран карточку заказа.

Заказ 880-14. Вес 1,2 кг. Перевозка: обычная. Опла-

та: онлайн.

Адрес: ул. Усачёва, 26.

Комментарий клиента: *«Не звоните в дверь дважды. Не стучите. Позвоните один раз, оставьте заказ у двери и не закрывайте его до 02:00. Спасибо.»*

Он перечитал комментарий ещё раз, целиком, как читают инструкцию к прибору.

За четыре года ночных смен Кирилл видел многое: просьбы «оставьте у двери, я сплю», «разбудите, я усну», «звоните, у меня кот глухой». Но условие «не закрывайте заказ до двух» встречал впервые.

Он ещё раз проверил маршрут. Усачёва — третьим, после Ленинского. Восемь заказов, четыре часа, тридцать восемь километров с небольшим. Кирилл любил, когда смена считалась заранее: восемь заказов — это разговоры, лестницы, домофоны и два с половиной литра воды, а не романтика.

— Чего завис? — Олег, сортировщик из вечерней бригады, выкатил мимо тележку. — Ты сегодня как памятник.

— Клиент странный. Просит не звонить и не закрывать заказ до двух.

— Так и не звони. — Олег пожал плечами. — Мне в прошлом месяце девушка дверь открыла и говорит: «Вы почему без предупреждения пришли?» Я говорю: вы сами заказали. Она: «Я заказала, но я не думала, что вы придёте».

— И как закончилось?

— Отказ, штраф, баллы в минус. — Олег ухватил тележку

за угол. — Вот и вся ночная Москва. Никто никого не ждёт.

Кирилл закинул рюкзак на спину. Он не стал говорить, что его в этой Москве устраивало именно это: ночью город не ждал его, а просто был. Пять лет назад он ходил по нему с теодолитом и снимал то, чего никто не видел, — трубы, коллекторы, сети, — а теперь возил коробки поверх того же асфальта. Разница была только в цене. Подземные коммуникации стоили денег, а доставка — спокойствия. Или, точнее, доставка давала деньги, а спокойствие он к ней докупал по частям, ночными сменами.

Он забрал коробку на выдаче, расписался стилусом на стекле, приклеил к раме фонарь, который обычно снимал на стоянке, и выехал на набережную.

Москва в половине второго ночи принадлежала не людям, а инфраструктуре.

Мокрый асфальт держал свет фар, как плёнка вода. Павелецкая площадь прошла пустой, светофоры щёлкали зелёным в никого, и только у «Тульской» два таксиста спали в машинах с включёнными поворотниками.

Кирилл ехал по трамвайным путям, потому что там не было луж, и держал скорость около двадцати двух километров в час — он знал это, не глядя на велокомпьютер. Он всегда знал скорость. Профессиональная деформация: раньше, когда он чертил подземные сети, он так же на глаз определял, где пройдёт кабель, и на глаз же называл глубину залегания

с точностью до десяти сантиметров.

Кто-то считает ворон. Кирилл считал метры.

Первый адрес был на Ленинском: круглосуточная аптека, ночная смена, женщина в очках за стеклом. Кирилл взял маленький пакет — коробку с лекарством для кота, — и поехал во двор за аптекой, в пятиэтажку с наглухо запертым домофоном. Код не подошёл. Он набрал клиентку.

— Да-да, — сказали в трубке. — Я слышу, слышу, я звоню, у меня руки в тесте.

Дверь щёлкнула. На площадке его встретила старуха в халате, с мукой на локтях, и мокрым полотенцем на плече.

— Ох, спасибо, милый. Три часа ночи, а я пироги. — Она сунула ему в руки сто рублей. — Не отказывайтесь, у меня пенсия.

— Не положено, — сказал Кирилл.

— А я никому не скажу.

Он вернул ей деньги и вышел. Полотенце пахло дрожжами, и этот запах ехал с ним до самого Комсомольского проспекта, не давая думать о ерунде.

А думать о ерунде хотелось. Комментарий из карточки заказа 880-14 сидел в голове, как заноза, — аккуратный, вежливый, слишком продуманный. Люди, которые пишут такие комментарии, обычно не забывают назвать код.

У поворота на Комсомольский проспект телефон сказал голосом, который он слышал чаще, чем голос дочери:

— Новый заказ принят. Подъезжайте к подъезду.

Кирилл вытер ладонью экран от дождя. Навигатор тянул его дворами — умно, коротко, по проходам, которые знали только курьеры.

Дом двадцать шесть по Усачёва был длинным сталинским прямоугольником с аркой и двумя подъездами. Возле второго горел единственный в целом дворе фонарь. Кирилл поставил велосипед под ним, снял рюкзак, достал коробку.

Толкнул дверь подъезда. Открыто.

Подъезд пах мокрой штукатуркой и чужой жизнью: вареной картошкой, стиральным порошком, чьим-то табаком. Лестница — четыре ступени вверх, площадка, четыре квартиры. Двадцать восьмая была прямо за углом. Единственная дверь в подъезде, у которой лежал новый коврик — тёмно-серый, ещё с заводской складкой.

На табличке — звонок. Никаких фамилий.

Кирилл посмотрел на время: **01:41**.

Он позвонил один раз. Коротко, как просили.

Тишина.

Он подождал. За дверью не было ни шагов, ни шороха, ни телевизора, ни воды в трубах. Только где-то в стене глухо перекачивался лифт.

Через минуту он приложил ухо к двери — привычка, которую сам в себе не любил, — и всё равно ничего не услышал.

Он открыл приложение.

Статус: в пути. Осталось ввести код получателя.

Кода у него не было. Клиент не написал его в комментарии, не продиктовал по телефону, не встретил в дверях. Ночные клиенты иногда выходили сами и называли цифры шёпотом, как пароль. Иногда отправляли код сообщением. Здесь не было ни того, ни другого.

Кирилл набрал поддержку.

— Служба доставки, здравствуйте.

Голос он узнал сразу. Ася работала в ночную смену два года, у неё была манера произносить «здравствуйте» так, будто она устала ещё до того, как взяла трубку.

— Ася, это Кирилл, Юг, восьмой район. У меня клиент не даёт код.

— Секунду.

Он слышал, как стучат клавиши. За дверью по-прежнему было тихо, и от этой тишины по спине шло холодом, хотя в подъезде было тепло.

— Клиент — Варламова Елена Сергеевна. Заказ оплачен, комментарий есть. Советую оставить у двери и отметить вручение по фото.

— По фото статус «вручено лично» не ставится, — сказал Кирилл. — Это статус только по коду.

Он говорил это не из вредности. Он просто знал регламент лучше, чем половина офиса, потому что регламент — это тоже инструкция, а инструкции Кирилл читал до конца.

— Минуту, — сказала Ася. — Уточню.

Клавиши замолчали. Потом заговорили снова — уже

быстрее.

Кирилл стоял в подъезде чужого дома, держа коробку весом один килограмм двести граммов, и впервые за смену ему стало неуютно. Не страшно — не за что было бояться. Неуютно, как бывает, когда в чертеже не сходятся две цифры и ты ещё не знаешь, какая из них врёт.

— Кирилл, — сказала Ася. Голос у неё стал другим. Не усталым. Служебным. — Оставьте у двери. Я закрываю заказ.

— Как закрываете?

— Вручную. Всё, оставляй.

— Ася, я его не вручал.

— Кирилл. — Она говорила ровно, но слишком ровно, и он услышал на заднем плане чужой голос — не оператора. Мужской, спокойный, короткая фраза. — Не спорь. Пиши, что оставил у двери.

Приложение дрогнуло в руке.

Заказ 880-14. Статус: ВРУЧЕНО ЛИЧНО. 01:47.

Кирилл смотрел на экран секунд десять.

Потом аккуратно поставил коробку у двери — как про-
сили, чуть левее коврика, чтобы не мешать, — и сделал то,
что делал всегда, когда не доверял системе: достал из задне-
го кармана лист смены, сложенный вчетверо, и записал на
нём ручкой:

*01:47. Усачёва, 26, кв. 28. Не видел клиента. Код не на-
зван. Закружи вручную, оператор А.*

Он второй год возил с собой этот лист — бумагу вместо надежды. В прошлом декабре ему уже правили время в приложении, и он обнаружил это только потому, что вёл записи. Тогда он звонил в поддержку, писал в чат, оставлял заявку. Заявку закрыли без ответа.

Он спустился с крыльца, накинул капюшон, сел на велосипед и уже взялся за руль, когда телефон звякнул.

Он думал — сообщение от диспетчера. Или от Аси. Но это была не поддержка.

Оценка заказа 880-14: 5 звёзд.

Комментарий клиента: *«Спасибо, что выполнили всё, как я просила.»*

Кирилл перечитал комментарий дважды, потом поднял голову и посмотрел на тёмные окна второго этажа. Все они были закрыты. Ни в одном не горел свет.

Заказ закрыли в 01:47. Оценку поставили в 01:48.

Женщины, которую он не видел и от которой не прозвучало ни слова, в этот момент в квартире не было.

Или, по крайней мере, не подавала признаков, что была.

Дождь ударил сильнее, и Москва вокруг разом стала черно-белой. Кирилл застегнул куртку до подбородка, выдохнул и поехал в сторону центра, к следующему адресу, потому что у него оставалось ещё семь заказов, и ни один из них не обязан был быть странным.

Глава 2. Заказ без звонка

День 1. 07:20. Черёмушки, Профсоюзная улица

Домой Кирилл вернулся в пять утра, мокрый до трусов.

Смена закончилась на удивление ровно: семь заказов, шесть кодов, один подъезд с работающим лифтом и ни одного скандала. Москва отдала ночь без боя. Он поставил велосипед в коридоре, разулся, налил себе чаю и сел за стол с листом смены, чтобы перенести записи в телефон, как делал каждое утро.

Но вместо этого открыл приложение и нашёл вчерашний заказ.

880-14. Усачёва, 26, кв. 28. Вручено лично. 01:47.

Оператор: Гордеева А.

Он прокрутил карточку вниз. Ниже, в блоке «подтверждения», лежали две фотографии.

Первая — та, что он и делал: коврик, дверь, коробка у левой стены. Он сам нажал на неё в 01:46, потому что регламент требовал фиксировать место, даже если код не введён.

Вторая была не его.

Ночной подъезд, тот же ракурс, но снято иначе: чуть выше, дальше, с захватом лестницы. На фото — закрытая дверь и ничего больше. Ни коробки, ни коврика целиком. Время в углу кадра: **01:53**.

Кирилл смотрел на снимок долго. Потом отпил чай, по-

ставил чашку и сказал вслух, в пустой кухне:

— Ну ладно.

В 01:53 его в этом подъезде уже не было.

Заснуть он не успел.

Телефон зазвонил в 07:20, когда за окном ещё было серо, а солнце, если оно в этот день вообще собиралось, даже не начинало. Номер был служебный, из «Ритма», но незнакомый.

— Кирилл Андреевич Одинцов? — Голос вежливый, ровный, ни одной лишней ноты. — Служба безопасности «Ритма». Меня зовут Дмитрий.

Кирилл сел на диване.

— Слушаю.

— Вчера у вас был заказ на Усачёвой. Хотим уточнить детали — ничего страшного, обычная проверка. — Пауза в полсекунды. — Вы передали заказ лично в руки получателя?

— Я оставил его у двери. Как просили в комментариях.

— Понимаю. Но в системе статус — «вручено лично».

— Это не ко мне. Так решила ваша смена.

— Да, я вижу, кто закрывал заказ. — Дмитрий произнёс это так мягко, что стало ясно: он-то как раз видит всё. — Поэтому и звоню. Кирилл Андреевич, вы ведь понимаете: если кто-то начнёт расспрашивать вас об этом заказе, лучше, чтобы вы отвечали одинаково.

Кирилл молчал.

— Одна история для всех, — сказал Дмитрий. — Оставили у двери, клиент подтвердил. Всё в порядке. Это ведь правда.

— Это не вся правда, — сказал Кирилл.

— Вся правда — понятие бухгалтерское. — Голос не изменился ни на децибел. — Хорошей смены, Кирилл Андреевич. Отдыхайте.

Он положил трубку.

Кирилл остался сидеть с телефоном в руке. За окном в Черёмушках дворник скрёб асфальт лопатой, и этот звук — спокойный, бытовой, обычный — раздражал сильнее всего.

Он открыл приложение ещё раз. Карточка заказа выглядела безупречно. Она выглядела лучше, чем вчера: в блоке «подтверждения» осталась **только одна фотография** — его. Второй снимок, тот, из 01:53, исчез.

Кирилл закрыл глаза и сосчитал до трёх, как учил когда-то младший брат жены — не дышать, не злиться, просто считать.

Потом встал, достал с полки коробку из-под обуви, где лежали старые бумажные карты Москвы, и вытащил лист смены, поправив на нём линейку пальцем так, чтобы две записи — вчерашняя и сегодняшняя — стояли рядом.

01:47. Усачёва, 26, кв. 28. Не видел клиента. Код не назван. Закрыли вручную, оператор А.

07:20. Звонок из СБ. Просили отвечать «одинаково».

Он сфотографировал лист, не очень понимая, зачем, и

убрал обратно.

10:05. Черёмушки

Первое, что он сделал, — набрал номер клиентки.

Номер был в карточке заказа, и Кирилл набирал его, не особенно веря в результат: клиенты ночных доставок редко отвечают днём, они отсыпаются, как он сам.

Телефон ответил короткими гудками. Пять. Восемь. Две-надцать.

— Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Он набрал ещё раз. То же самое. Третий раз — то же.

Кирилл отложил телефон на край стола и посмотрел в окно. За окном Марина, бывшая жена, вывела из подъезда велосипед — маленький, красный, с прикрученными с двух сторон страховочными колёсиками. Потом в дверях появилась Соня в куртке не по погоде, без шапки, и побежала по двору к песочнице, которую в октябре давно никто не охранял.

Он оделся, вышел и перехватил их у турника.

— Папа! — Соня узнала его раньше, чем он успел придумать, что сказать. — Ты почему не спал?

— Работа. Я всегда работаю.

— Ночью? — Она заглянула ему в лицо с серьёзностью человека, который точно знает, что ночью люди спят.

— Ночью Москва свободная. Ни пробок, ни людей.

— А светофоры?

— Светофоры стоят. Моргают мне.

Соня засмеялась, будто он сказал что-то очень остроумное, — у неё был возраст, когда любая папина фраза смешная.

Марина держалась в двух шагах, скрестив руки: джинсы, куртка, утренний кофе в термокружке. Она не мешала им говорить, но и не участвовала.

— Ты во сколько освободился? — спросила она, когда Соня убежала к велосипеду.

— В пять.

— И не спал.

— Мне звонили из офиса, — сказал Кирилл. — Утром. Будили.

— Из офиса в семь утра? — Марина отпила кофе. — За что тебя так?

— Пока не понял.

Она кивнула, без интереса. В её жизни «Ритм» давно был не работой мужа, а таким же обстоятельством, как погода: не обсуждается, переживается.

— В субботу Соня ждёт, — сказала она. — Ты обещал карту.

— Помню. Нарисую.

— Не забудь, что ты обещал, а не то, что тебе удобно. — Она подняла термокружку, как поднимают палец. — Это разные карты.

Соня наконец справилась с велосипедом и поехала по двору, держа руль обеими руками, ровно, никуда не торопясь, как маленький аккуратный курьер. Кирилл смотрел ей вслед и думал о том, что единственная настоящая роскошь в его неделе — это тридцать метров двора и звонок на руле.

Потом он поехал на Пятницкую.

13:40. Пятницкая улица, мастерская

В подвале на Пятницкой пахло резиной, машинным маслом и холодным чаем.

Мастерская Гоши держалась не на бизнесе, а на упрямстве: узкая комната, три велосипеда на подставках, стол, заваленный камерами и тросами, электрический чайник и старый диван, на котором за десять лет, наверное, спал каждый курьер центра Москвы.

Гоша сидел, вытянув ноги, и подклеивал камеру, держа её на колене, как гитару.

— Ты чего сегодня тухлый? — спросил он, не поднимая головы. — Опять «платину» пересчитывали?

— Слушай, — Кирилл повесил куртку на гвоздь. — Бывает так, что статус ставят вручную и ты не в курсе?

— Постоянно. — Гоша откусил ниппель, сплюнул, заклеил. — «Хвосты» закрывают.

— Какие хвосты?

Гоша наконец поднял на него глаза — с насмешкой, но без злобы.

— Кирилл, ты сколько курьером?

— Четвёртый год.

— И всё ещё веришь в кнопки? — Он отложил камеру.

— Ребята в офисе получают премию за норматив. Норматив

— это когда нет висяков. Висяк — это заказ, который не закрылся. Ты думаешь, они в двенадцать ночи звонят клиенту и уговаривают его писать код? Они просто жмут мышкой.

— Это подделка документов.

— Это рабочий процесс. — Гоша потянулся за чаем. — Ты, геодезист, знаешь, что такое генерализация? Взял карту масштаба один к одному, сделал один к сто, все мелкие ошибки сгладил. Вот и тут. Москва на карте гладкая, а поедешь — там яма на яме.

Кирилл сел на диван.

Он знал, что такое генерализация. Он девять лет с города снимал его подземную изнанку — сети, коллекторы, кабели, — и каждый раз возвращался на место, чтобы посмотреть глазами, потому что на бумаге всё всегда сходилось.

— Мне вчера звонок был. Из безопасности, — сказал он.

— Утром. Из карточки заказа пропало второе фото.

— Второе? — Гоша поставил чашку. — Значит, кто-то снимок подгружал и стёр.

— Зачем?

— Затем, что он там был не для тебя. — Гоша посмотрел на него внимательно. — Кирилл. У тебя в телефоне трек, а в приложении — «история». Это разные вещи, если кто-

то с карандашом. На твоём месте я бы выгрузил всё своё, что есть, на железку. Все ночи, все заказы. Всё, что ты мне рассказывал про декабрь, — я по-прежнему считаю, что тебе не показалось.

— Скажешь, — кивнул Кирилл, — что я идиот.

— Я тебе говорил, что ты идиот два года назад, когда ты подписался на ночные. — Гоша улыбнулся. — Так что я ничего нового не скажу.

Кирилл открыл велокомпьютер — примитивную железку, которая писала время, скорость, координаты и температуру, — и скинул вчерашний трек на телефон.

Трек был честный. Одна поездка: 01:14 — Юг, 01:39 — Усачёва. Стоянка семнадцать минут. 01:56 — выезд, дальше четыре точки, шесть утра — дом.

Он открыл «историю поездки» в приложении.

Там было то же самое — почти. Одна деталь не совпадала.

В системе он приехал к подъезду в **01:39** и уехал в **01:56**. Как в треке. Как на самом деле.

Но в блоке «подтверждения» стояла отметка, что второй снимок сделан в **01:53** — и на снимке был тот же подъезд, который он видел. И коробки на снимке не было.

А ещё через минуту он увидел строчку, от которой всё это — звонок, фото, утренняя вежливость — сложилось в одну линию. В строчке стояло время входа в квартиру получателя: **01:53**.

Время, когда его там уже не было. Время, когда его там

не могло быть.

Кирилл снял очки и протёр глаза ладонью.

— Гош, — сказал он. — В приложении есть запись, что я был в квартире, в которой не был.

— Вот и славно, — сказал Гоша без улыбки. — Значит, кто-то очень хочет, чтобы ты в этой квартире всё-таки оказался.

Глава 3. Код получателя

День 1. 15:05. Отдел, кабинет 314

Заявление об исчезновении человека подают позже, чем думают люди, которые никогда их не подавали.

Обычно проходит неделя. Иногда две. Сначала родственники звонят всем, кому можно позвонить, потом ездят по больницам, потом сидят и ждут, потому что человек взрослый и имеет право уехать. В отдел приходят, когда заканчивается фантазия.

Женщина, сидевшая напротив Анны Крыловой, пришла через тринадцать часов.

— Мельник Ольга Петровна, — сказала она, положив на стол паспорт с той аккуратностью, с которой люди кладут вещи, когда боятся, что руки будут дрожать. — Я по поводу Варламовой. Елена Сергеевна. Мы вместе работали.

Аня подвинула к себе заявление.

— Кем вы ей приходились?

— Коллегой. — Ольга запнулась. — И подругой. Она никого не подпускала близко, но мы семь лет обедали вместе. Это тоже, знаете, форма жизни.

— Хорошо. Что случилось вчера?

— Сегодня. — Ольга посмотрела на часы на стене, будто проверяла, можно ли ещё сказать «сегодня». — Сегодня ночью она позвонила мне в два десять. Сказала — прости, что

разбудила. Сказала, что, если до вечера не выйдет на связь, я должна пойти в полицию и сказать одну фразу.

— Какую?

— «Посмотрите, кто закрыл её заказы». — Ольга произнесла это ровно, как выучила. — Я думала, она не в себе. Она работала в доставке, у них там вечная гонка, я решила, что стресс. Я спросила: Лена, ты где? Она сказала: «Дома, всё нормально, ложись». И отключилась. А утром её телефон не отвечает. Я пришла к ней. Дверь закрыта, заказ у двери стоит.

Аня перестала писать.

— Какой заказ?

— Коробка. Из доставки. Стоит под дверью, никто её не взял. — Ольга пожала плечами. — Я её не трогала.

Аня отложила ручку и посмотрела на посетительницу чуть внимательнее, чем секунду назад. В её работе это всегда был плохой признак: когда начинаешь смотреть на человека слишком внимательно, значит, рассказ перестал быть бытовым.

— Ольга Петровна, — спросила она. — Почему вы не открыли квартиру? У вас нет ключей?

— Нет. Лена никому не оставляла ключи. — Женщина опустила глаза. — Я даже полила у неё цветы один раз, когда она болела, — и то ждала её у двери, потому что ключи не давала.

Аня кивнула и дописала в листке:

Ключей нет. В квартиру не заходила. Заказ у двери.

Потом спросила то, что в таких заявлениях спрашивают почти всегда и почти всегда напрасно:

— У неё были враги?

— У неё был брат, — сказала Ольга. — Он погиб. В январе. Курьер, ночная смена, его нашли на Складочной. Елена после этого спала по четыре часа и говорила всё время одно и то же: «Так не бывает. Так не бывает».

16:40. Усачёва, 26

Квартира двадцать восемь пахла стоячей водой и холодным кофе.

Аню пустил участковый, который к её приезду уже успел постоять в коридоре, потрогать дверь и заскучать. Внутри было темно и до странности упорядоченно: прихожая, вешалка, зеркало, две пары обуви — одна кроссовки, одни туфли. Всё на своих местах.

Аня включила свет в комнате.

Здесь жил человек, который любил бумагу. На письменном столе стояли три папки, и в каждой были подписаны корешки: «Квартплата», «Страховка», «Отчёты». На столе — линейка, карандаш, открытый блокнот с ровными колонками. Кофе в чашке на подоконнике недопитый: коричневое кольцо высохло на стенке. Запах от него был ещё живой.

Аня обошла квартиру.

Телефон лежал на кровати — тот самый телефон, кото-

рый «не отвечал». Аня посмотрела на него и не стала трогать: трубку она вызывает через экспертизу, а не через свои руки. Тут же, на тумбочке, лежал блокнот поменьше, и в нём — единственная фраза, написанная крупно и отдельно, как заголовок:

Проверить шесть.

Ноутбук стоял открытый, экран тёмный. Аня нажала клавишу. Загрузилась система, попросила пароль, и на этом всё закончилось ровно так, как должно было закончиться: никаких сессий, никаких «войти как гость». Аня сфотографировала экран, потом сняла крышку с клавиатуры и, поморщившись от собственной привычки, заглянула под столешницу. Под столом, приклеенный скотчем к дереву, лежал маленький конверт.

В конверте был один лист.

Распечатка приказа. ООО «Ритм-Доставка», исходящий номер, дата — февраль этого года. Елена Варламова уволена по результатам служебной проверки.

Формулировка была аккуратная, казённая и очень короткая: *«использование служебного доступа к маршрутным данным вне производственной необходимости»*.

Ниже, поперёк текста, чужой рукой — не Елены, почерк был другой, жёсткий, — были проставлены три вертикальные чёрточки. И цифры, написанные от руки в правом нижнем углу листа:

03:41

Аня подумала, что у него наверняка есть объяснение, и что объяснение это ей не понравится.

За дверью, на площадке, лежала коробка.

Аня вышла, села на корточки. Обычная доставка: картон, скотч, на скотче — белая наклейка с номером заказа. Наклейка промокла, но номер читался: 880-14.

— Вы её не открывали? — спросила она участкового.

— Не положено.

— Правильно, что не положено, — сказала Аня и, сделав три шага к лестнице, посмотрела вниз, на дверь подъезда, где весь день мок асфальт, и на фонарь, который единственный в этом дворе горел всю ночь. — Значит, слушаем внимательно. Эту коробку оставили вчера в 01:47. Женщина её не взяла. Ночью заказ закрыли — и закрыли словами «вручено лично».

— Так, может, она и правда открыла и выкинула? — предположил участковый.

— Она не выкинула. — Аня показала на коврик. — Смотрите, коврик сухой. Дождь шёл всю ночь, с часа. Если бы она открывала дверь, вода бы натекла. Дверь с этой стороны не открывали.

Она сфотографировала дверь. У неё в телефоне было триста сорок снимков чужих дверей — эта, тёмная, с новым серым ковриком и латунной окантовкой, походила на все остальные и не походила ни на одну.

Потом Аня открыла приложение «Ритма» и посмотрела,

кому принадлежит заказ 880-14.

Курьер: Одинцов Кирилл Андреевич. Статус: вручено лично. Время: 01:47.

18:20. Отдел, кабинет 314

Номер она набрала с рабочего аппарата, чтобы разговор остался в журнале.

Курьер ответил после третьего гудка и говорил так, будто его оторвали от дела и дело это было важнее её звонка.

— Слушаю.

— Кирилл Андреевич, Анна Крылова, следственный отдел. Мне нужно задать вам несколько вопросов по заказу на Усачёва, дом двадцать шесть.

— Ну наконец-то, — сказал он.

Аня моргнула.

— Простите?

— Я в поддержку дважды писал и в чат приложения. — Голос у него был ровный, чуть хриплый, без раздражения, но и без вежливости. — Мне никто не ответил. Я думал, вы из этих, из «Ритма».

— Я не из «Ритма». — Аня подвинула к себе блокнот. — Я из полиции. И вы у меня пока единственный человек, который был у этой двери в ту ночь.

— Человек, который был у двери, — это я. Человека, который был в квартире, не было. — Пауза. — Вы карточку заказа смотрели? Там стоит вход в квартиру в 01:53. В 01:53

я стоял на улице. У меня на велокомпьютере своя запись.

— Велокомпьютер — ваш прибор, гражданин Одинцов.

— Это нормально, — согласился он спокойно. — Я вам другого и не предлагаю. Я вам предлагаю спросить у вашей экспертизы, была ли у них вода на коврике.

Аня не сразу нашлась.

За семь лет работы она слышала много версий: курьеры, которых она задерживала, обычно говорили «я не знал», «мне дали», «я только вёз». Этот говорил как человек, который заранее подготовил ответ.

— Кирилл Андреевич, — сказала она. — Вам сколько лет?

— Тридцать два.

— Хорошо. Тридцать два года, четыре года в доставке. Ответьте мне на один вопрос: кто мог поставить статус «вручено лично» без кода получателя?

— Ваша смена, — сказал он. — Точнее, их смена. Оператор, начальник смены, любой, у кого есть право на корректировку. Такие правки после трёх сорока сливаются с историей, и потом никто ничего не докажет.

— Откуда вы знаете про три сорок?

В трубке стало тихо.

— Мне объясняли, — сказал он наконец, и в голосе впервые появилось что-то, похожее на усталость. — В декабре. Я тогда сказал им, что у меня время в карточке не совпадает. Они сказали — не совпадает, поправим.

Аня записала в блокнот два слова: **правки, 03:40**. И обвела их.

— Кирилл Андреевич, завтра в девять утра вы придёте ко мне и расскажете всё с самого начала. — Она помолчала. — И принесёте то, что у вас есть. Свой лист. Прибор. Что угодно, что вы сами себе сохранили.

— А если я не приду?

Аня посмотрела на лист, который лежал у неё на столе: приказ об увольнении, три чёрточки и цифры в углу.

— Придёте, — сказала она. — Вы четыре года возите чужие посылки и, судя по всему, ещё ни одну не открыли и ни один код не перепутали. Люди, которые держат правила, не врут. Так что в девять.

Он помолчал и положил трубку без прощания.

Аня откинулась на спинку стула. За окном шёл дождь, которого за день хватило на пятерых, и по стеклу ползли отражения фар. Она снова взяла лист с приказом и прочитала формулировку: *использование служебного доступа к маршрутным данным вне производственной необходимости*.

Потом открыла базу и ввела «Одинцов Кирилл Андреевич».

Ответ пришёл сразу, и он ей не понравился.

Обращения в службу поддержки: 2.

Тема: «несоответствие времени в истории заказа».

Ответ по обращению: не требуется. Обращение закрыто оператором.

Оператором. Вручную.

Глава 4. Вручено лично

День 2. 09:02. Отдел, кабинет 314

Анна Крылова опаздывала на две минуты — ровно настолько, чтобы успеть решить, что это не опоздание.

Она шла по третьему этажу, размахивая связкой ключей, и на левой ладони у неё было маркером написано одно слово: «свет». Значило оно, что вечером надо купить лампочки в кабинет, потому что вторая лампа мигала уже месяц, все об этом знали и никто не покупал.

Крылова была выше почти всех, кто работал на этаже, и держалась так ровно, что это казалось чужим усилием; на самом деле она просто много лет ходила прямо, чтобы не смотреть в пол. Тёмные волосы — в узел, светлые глаза — в вечной усталости от экранов, жакет строгий, а под жакетом — кроссовки. Каблуки она ненавидела не из принципа, а потому что в этом городе никого не догонишь на каблуках.

Возле её кабинета на стуле сидел человек.

Судя по мокрой куртке, он пришёл с улицы и довольно давно: лужа под стулом уже собралась в тёмное пятно. Худой, длинный, с тем волосом, который стригут раз в месяц у метро, и лицом человека, проводящего много времени на ветру. Над левой бровью — тонкий старый шрам. Пальцы он держал на коленях, повернув ладонями вниз, и по этой привычке — не трогать ничего без нужды — Аня сразу поняла,

что он либо мастер, либо прибор, и, кажется, и то и другое.

— Одинцов?

— С восьми сорока, — сказал он, вставая. — Вы сказали в девять. Я решил не рисковать.

— Вы в этом ехали? — Аня кивнула на куртку.

— Я с ночной. Смена закончилась в шесть. Дома переодеться — это плюс час к тому, чтобы не поспать.

Она открыла кабинет, пропустила его вперёд и включила чайник без крышки.

Кабинет был такой же, как и все кабинеты в здании, — стол, стул, сейф, окно в серое, — но у Ани был второй стол, заваленный папками, и никто из коллег им не пользовался уже полгода, и Аня старалась об этом не думать.

— Садитесь. — Она села напротив, вытянув ноги. — С самого начала. Ночь с тринадцатого на четырнадцатое. По порядку.

— Я в порядке. — Он кивнул сам себе, как человек, который сто раз проиграл этот разговор в голове, и заговорил ровно, без пауз. — Взял заказ на Юге в 01:12. Клиент — Варламова, Усачёва, 26, квартира 28. В комментарии просьба: не звонить, не стучать, оставить у двери и не закрывать заказ до двух. Я приехал в 01:39. Позвонил один раз в 01:41. Мне не открыли. В 01:45 я позвонил в поддержку, потому что без кода получателя заказ не закрывается.

— Кому позвонили?

— Оператору. Девушка, Ася Гордеева. Она приняла, по-

советовала оставить у двери и закрыть по фото. Я сказал, что по фото этот статус не ставится. — Кирилл сделал маленькую паузу, как бы отмечая в уме, что не соврал и здесь. — Она ушла уточнять — и вернулась другой. Голос тот же, слова служебные. Сказала: оставляй, я закрываю. И заказ закрылся. 01:47. «Вручено лично».

— А вы?

— А я сфотографировал дверь, — сказал он. — И записал в лист.

Он полез во внутренний карман, достал сложенный вчетверо лист на резинке и положил на стол.

Аня развернула.

Лист был разграфлён вручную, от руки — шесть колонок: время, адрес, что взял, что отдал, отклонения, погода. Записей на листе было на четыре месяца. Последняя — ночная, аккуратным инженерным почерком, буквы ровные, как в чертеже: 01:47. Усачёва, 26, кв. 28. Не видел клиента. Код не назван. Закрыли вручную, оператор А.

— У вас почерк человека, который чертил, — сказала Аня.

— Я чертил. Точнее, снимал. Девять лет геодезии — подземные сети, коммуникации, колодцы. — Он не изменил ни позы, ни голоса, но в комнате что-то сместилось, будто он подвинул на столе невидимую папку. — Потом фирма закрылась, и вот я вожу коробки. Четыре года.

— И всё это время ведёте лист.

— Это не жалоба. Это привычка. — Он посмотрел на бумагу. — Когда снимаешь город, у тебя всегда две правды: та, что в отчёте, и та, что на земле. Отчёт мне всегда казался главнее, пока я не начал работать там, где отчёты правят мышкой.

Аня отложила лист и взяла телефон.

— Откройте приложение. Заказ 880-14.

Он открыл и положил телефон на стол, повернув экраном к ней, как кладут документ.

Аня увидела карточку: заказ, вес, адрес, оплата онлайн. Ниже — блок подтверждений.

Вручено лично. 01:47. Фотоотчёт: 1 снимок.

— Вы говорили, что снимков было два.

— Было. Второй — 01:53. Тот же подъезд, снято сверху, коробки на нём нет. — Кирилл сказал это без нажима. — И ещё в карточке была строка, что получатель вошёл в квартиру в 01:53. Сейчас её нет.

Аня молча отметила это в блокноте, не отрывая взгляда от экрана.

— На фото, которое сделали вы, — сказала она. — Коврик видно?

— Коврик, дверь, коробку. Коробка слева, как в комментарии.

— И во сколько вы сняли?

— В 01:46. — Он посмотрел на неё внимательно. — А вы про коврик почему спросили?

— Потому что утром он был сухой. — Аня откинулась на стуле. — Дождь шёл всю ночь. Если бы она в 01:53 открывала дверь, на площадке была бы вода. Её нет.

— Значит, отметку о входе в квартиру поставили не с её телефона, — сказал Кирилл.

Аня молчала секунд пять. В её работе это означало, что она слышала не то, что собиралась, и теперь думает, в какую сторону этот факт выгоден.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Теперь я вам покажу, чего у меня нет.

Она развернула к нему ноутбук. На экране была выгрузка по заказу — то, что она запросила утром и получила к девяти: журнал изменений.

— Это журнал правок по вашему заказу за ночь, — сказала Аня. — В графе «изменения» — пусто. Ни одной правки. Ни статуса, ни времени, ни фото.

Кирилл наклонился к экрану. Он читал медленно, и Аня заметила, как он достаёт из сумки очки — в простой оправе, для бумаги, не для дороги, — и надевает их двумя руками, как инструмент.

— Так не бывает, — сказал он. — Без кода статус «вручено лично» не ставится вообще. Это не ошибка оператора. Это либо код, которого у меня не было, либо правка вручную. Правки пишутся в журнал всегда. Всегда.

— А если её потом убрали?

— Тогда в журнале должна остаться запись об удалении.

— Он поднял глаза от экрана. — Если нет и её, значит, чистили не правку. Значит, чистили журнал.

Аня, не отводя от него глаз, записала в блокнот: «чистили журнал».

— Кто это может?

— Оператор — нет. Начальник смены — может закрыть заказ, но не убрать запись. — Кирилл снял очки и вернул их в сумку, аккуратно, в футляр. — Доступ выше — только у тех, кто сидит в Сити на двенадцатом. Ночная операционная.

Аня кивнула и сняла трубку.

Служба поддержки «Ритма» отвечала бодрым женским голосом, который был слышен даже на расстоянии ладони.

— Анна Сергеевна, следственный отдел. Соедините с ночной сменой, по заказу 880-14.

— Минуту.

В трубке щёлкнуло. Потом стало тихо — так тихо, что Аня услышала шелест чужой клавиатуры, — и голос сказал:

— Слушаю.

Он был молодой, и в нём не было ни капли того дежурного равнодушия, которое только что звучало у поддержки.

— Это ночная смена?

— Да. Оператор Гордеева.

— Ася, — негромко сказал Кирилл у неё за спиной.

Аня обернулась на него и прикрыла трубку ладонью.

— Вы Гордеева? — спросила она в трубку. — Мне нужно уточнить, кто закрыл заказ на Усачёвой в 01:47.

Пауза получилась длинной. Слишком длинной для человека, которому нужно просто посмотреть в базу.

— Я не закрывала этот заказ, — сказала Ася. — У меня его в смене вообще не было.

— В журнале указано ваше имя.

— В журнале указано много чего. — Голос у неё задрожал, но она успела его выровнять. — Я на него не нажимала. Я вам перезвоню. Я...

В трубке щёлкнуло. Короткие гудки.

Аня медленно положила её на место.

— Это она закрывала, — сказал Кирилл. — Я слышал её вчера. Тот же голос.

— А теперь говорит, что не она.

— Значит, — Кирилл смотрел на телефон, лежащий на столе экраном вверх, как на прибор, дающий неверные показания, — либо она врёт, либо её имя кто-то вписал.

Аня взяла ручку и подчеркнула в блокноте две строки: «чистили журнал» и «вписали имя». Между ними она поставила стрелку и рядом вывела три цифры: **880-14**.

— Кирилл Андреевич, — сказала она. — Давайте договоримся о простой вещи. Вы мне не подозреваемый. Вы мне свидетель, которому не верят. На сегодня это всё, что у вас есть. Приходите завтра к десяти и принесите выгрузку с вашего прибора.

— С велокомпьютера.

— С него. — Аня посмотрела на мокрую куртку с откле-

ившейся на локте полоской светоотражателя. — И завтра наденьте что-нибудь сухое. Мне нужен свидетель, а не его воспаление лёгких.

Он кивнул и вышел, а Аня ещё минуту сидела и смотрела на лист смены, оставленный на столе, — шесть колонок, четыре месяца, ровный инженерный почерк.

Она взяла свой телефон и сфотографировала лист. Потом — ладонь с надписью «свет», потому что в голове у неё уже было другое слово, и оно было хуже.

Глава 5. Последний контакт

День 2. 14:10. Усачёва, 26

Служебная машина у Крыловой была старая, серая, с вмятиной на правой задней двери — длинной, вдавленной, как след от чужого бампера.

Кирилл сел на переднее сиденье, пристегнулся, посмотрел на вмятину и ничего не сказал. Сказала Аня, не глядя:

— Ремонтировать не буду, пока не закрою одно дело. Три года уже.

— Помогает?

— Нет. Но я хотя бы помню, из-за чего езжу.

Дождь к двум часам превратился в мелкую взвесь, которая не падала, а висела. Двор на Усачёвой в свете дня оказался маленьким: шесть машин, детская площадка с жёлтой лентой на качелях, мусорные контейнеры под навесом, один фонарь — тот самый, что горел ночью.

Аня остановилась на свободном месте, вышла и сразу достала телефон.

— Что вы делаете? — спросил Кирилл.

— Фотографирую дверь.

Щёлкнула камера. Дверь подъезда была старая, деревянная, с двумя кодовыми панелями — одной новой, одной насквозь проржавевшей.

— Зачем?

— Триста сорок снимков уже. — Она убрала телефон. — Дверь говорит о человеке больше, чем его показания. Кто чинит, кто не чинит, кто ставит новый коврик и при этом живёт с проржавевшей панелью. — Аня посмотрела на него ровно. — Вы понятой. Не свидетель, не подозреваемый. Мне нужен человек, который ночью стоял у этой двери и может подтвердить, что в квартире ничего не двигали. При условии, что вы ничего не трогаете. Вообще ничего.

— Я не трогаю чужое, — сказал Кирилл.

— Я помню. — Она пошла ко входу. — Но помню не как комплимент. Скорее как странность.

Слесарь из управляющей компании открыл дверь за минуту — замок был простой, и Аня отметила это молча: женщина, которая боится, ставит второй замок; женщина, которая готовится, — не ставит.

Квартира двадцать восемь пахла холодным кофе и пылью, поднятой с полок солнцем, которого не было.

В прихожей всё осталось, как вчера. Аня придирчиво осмотрела коврик изнутри: сухой, чистый, без натёртого пятна. Обувь на месте: туфли, кроссовки, ещё одни кроссовки, тёмные, разношенные. По ним было видно, что их носили каждый день.

— Хозяйка никуда не собиралась, — сказала Аня.

— Собиралась, — сказал Кирилл.

Она обернулась.

— Смотрите. — Он стоял на пороге комнаты и не заходил дальше, как человек, которому сказали ничего не трогать и который понял это буквально. — В прихожей нет дождевика. И нет рюкзака. В Москве такая погода третий день, без дождевика никто не выходит.

— Может, дождевик в шкафу.

— Может. — Кирилл кивнул. — Только она заказала доставку к своей двери и попросила не звонить дважды. Я сорок минут стоял на её площадке. Если человек дома и не открывает, он не выходит. Если собирается выйти, он не заказывает курьера к двери.

Аня подумала, что в этом есть логика, и что логика эта ей не нравится.

Комната была маленькая и очень упорядоченная. Письменный стол, три папки с подписанными корешками, линейка, карандаш — заточенный, лежал параллельно краю стола. На подоконнике — чашка с недопитым кофе: тёмный круг на дне, стенки высохли. Аня потрогала чашку — холодная, снаружи липкая от пыли. Кофе стоял здесь второй день.

На полках — книги по логистике и три старые карты Москвы в тубусах. Аня вытянула одну, развернула на столе: карта города, издание семидесятых, с продавленными сгибами. На ней не было никаких пометок — пока.

— Вы правда геодезист, — сказала она.

— Я правда бывший геодезист.

— Посмотрите на это и скажите, что здесь не так.

Кирилл подошёл, но сначала, по привычке, повернул ладони вниз и посмотрел на них, как будто напоминал себе, что ничего не берёт без разрешения.

Он наклонился над картой, потом выпрямился и обвёл глазами комнату.

— Здесь не хватает вещей, — сказал он. — Не мебели. Мелочей.

— Конкретнее.

— В квартире курьера всегда есть велокомпьютер, крепления, звонок. — Он показал подбородком на книжные полки. — Вон там, между папками, пустое место. Пыль легла ровно, а в одном месте — прямоугольник чистого дерева. Значит, там что-то стояло. Коробка, ящик, что-то с плоским дном. — Он помолчал. — И на гвозде у двери висит ремешок от велосипедного фонаря. Один ремешок. Фонаря нет.

Аня записала и набрала номер, который утром ей продиктовала заявительница.

Ольга Мельник ответила сразу, будто держала телефон в руке. По голосу было слышно, что она в пуховике — он шуршал у самого микрофона, — и что она не дома, а идёт куда-то, где шумно.

— Вы из полиции? — переспросила она. — Уже что-то выяснили?

— Я уточняю детали. — Аня включила громкую связь и положила телефон на стол. — Вы говорили, что работали с Еленой Сергеевной семь лет. Вспомните последний месяц.

Что-то изменилось?

— Всё изменилось. — Ольга вздохнула. — Лена стала... аккуратная. Ещё аккуратнее, чем всегда. Знаете, как человек, который всё время что-то проверяет — дверь, замок, кошелёк.

— Она говорила про брата?

— Про Тимура она не говорила со дня похорон. Ни разу. Я один раз спросила — она сказала: «Оля, я потом». — Пауза, шелест пуховика. — А знаете, что она делала в последние две недели? Носила домой бумаги. Вот такие, знаете, в плотных папках, у нас такие никто домой не носит, потому что там ничего, кроме цифр. Она их складывала в рюкзак и увозила. Я спросила: Лена, тебе что, дома мало дел? Она сказала: «Это не работа. Это отчёт».

— Отчёт по чему?

— Она не сказала. Она сказала: «Если получится, ты прочитаешь его в новостях».

Аня задержала взгляд на телефоне.

— Ольга Петровна, а как она пила кофе?

— То есть как? — Женщина на другом конце искренне растерялась. — Как все, наверное. Она, знаете, никогда не допивала. У неё всегда чашка половинчатая стояла, я ей говорила: Лена, кофе остынет, кому ты его оставляешь? Она отвечала — «следующему».

Аня поблагодарила, попросила прийти завтра и подписать показания и положила трубку.

Кирилл, который всё это время стоял у окна, не повернулся.

— «Отчёт», — сказал он. — Я один раз видел, как она разговаривала сама с собой на площадке у дарк-стора. Месяца три назад. Я принял её за женщину, которая ждёт курьера, и не подошёл.

Аня посмотрела на него, но ничего не сказала.

— А что с её братом? — спросила она, не поднимая глаз.

— С каким братом?

— Тимур Варламов. Курьер, погиб в январе. — Она смотрела на него внимательно. — Вы не знаете?

Кирилл молчал.

— Не знаю, — сказал он. — Фамилия знакомая. Но у нас в смене Варламовых не было.

Фотографии стояли в комнате на двух полках — так, как их ставят люди, которые не любят рамки, но всё равно их купили.

Аня сняла одну и повернула к свету.

Женщина на снимке была невысокая, сухоощавая, с короткой стрижкой и ровным пробором; у виска — седина, которую она не закрашивала. Одежда тёмная, застёгнута до горла, руки сложены на коленях. Глаза она не отводила от камеры, но смотрела так, будто это ей, а не фотографу, пришлось собраться.

Рядом с ней, положив руку ей на плечо, стоял парень лет двадцати трёх. Широкие плечи, короткая спортивная стрижка, улыбка на все зубы, велокуртка на два размера больше, рукава подкатаны. Из тех, кого в смене любят, потому что они улыбаются, когда устают.

Кирилл смотрел на снимок дольше, чем смотрят на чужие фотографии.

— Что? — спросила Аня.

— Ничего. — Он отвёл глаза. — Лицо знакомое. У нас тысяча курьеров, всех не упомнишь.

— Не упомнишь, — согласилась Аня и убрала снимок на полку, отметив про себя, что он ответил не сразу.

Дальше пошли вещи.

Аня методично, как она делала всегда, снимала на телефон шкаф за шкафом, и в спальне, за дверцей, нашла то, что искала, сама ещё не понимая этого.

В шкафу висела куртка «Ритма». Мужская, на два размера меньше той, что была на стоящем рядом человеке, — курьерская, тёмно-серая, с логотипом на груди и светоотражающими вставками на рукавах. Ношенная, с потёртостью на правом плече от лямки рюкзака.

— Это не её, — сказал Кирилл.

— Почему?

— Женщины в ночную почти не ходят. И куртка укатана под лямку, а лямка — на правое плечо. У кого правая рука

ведущая, тот носит рюкзак на правом. — Он помолчал. — Это куртка курьера.

Аня вынула её из шкафа и разложила на кровати. В правом наружном кармане лежало плоское — Аня засунула руку и достала пластиковую карточку.

Пропуск.

Фото: тот же парень со снимка на полке. Тёмные волосы, широкие плечи, улыбка.

Варламов Тимур Рустамович. Курьер. Ночная смена. Отдел эксплуатации, дарк-стор «Ритм-Север».

Действителен до 31 декабря.

Дата выдачи — предыдущий год. Аня перевернула карточку и увидела, что на обороте, поверх пластика, приклеен кусочек бумаги — маленький, с ноготь, обрывок от чего-то большего. Клей был свежий, бумага — нет. На обрывке читались две цифры и половина третьей, стёртая водой или пальцем: **0 4.**

Аня держала пропуск и молчала.

Женщина, у которой в квартире сокрыто всё — недопитый кофе, сухой коврик, вещи на месте, — хранила в шкафу куртку мёртвого брата и приклеила к его пропуску обрывок с цифрами.

— Значит, она не горевала, — сказала Аня вслух.

— А что она делала? — спросил Кирилл.

— Работала. — Аня убрала пропуск в конверт, конверт — в сумку, и посмотрела на него так, как смотрят на человека,

которому впервые сказали правду, не выяснив ещё, зачем он её слушает. — Кирилл Андреевич, вы когда-нибудь слышали про три тридцать три?

— У нас всё считается по своему. — Он покачал головой. — Сорок минут, час, четыре часа. Три тридцать три — нет.

— Странно, — сказала Аня. — Потому что три тридцать три — это время, когда в январе на Складочной улице нашли вашего коллегу.

Глава 6. Протокол

День 2. 17:40. Отдел, архив подвала

Дело Варламова лежало в третьем шкафу, во второй связке, и было тонким.

Аня разложила его на столе в архивной комнате — здесь было холодно, пахло пылью и старым картоном, а лампа гудела так, будто её тошнило, — и начала читать по порядку, как учили читать материалы, а не листать их.

14 января, 03:41. Сообщение от водителя такси: на Складочной улице, у выезда из промышленной зоны, человек лежит рядом с велосипедом, не двигается.

03:49. Прибытие наряда. Мужчина, около двадцати пяти, без сознания, признаки наезда. Вызов скорой.

04:12. Врачи констатировали смерть.

Ниже, отдельным листом, лежало заключение: *смерть наступила в период с 03:20 до 03:45, точное время установить не представляется возможным ввиду погодных условий и времени, прошедшего с момента наступления смерти.*

Аня отметила это в блокноте двумя чертами, как отмечала всё, что потом придётся объяснять начальству.

Дальше шёл протокол осмотра места. Велосипед, дорожный, с багажником и снятым передним крылом. Сумка-термос на раме, пустая. Телефон — разбит, экран в паутине, найден в трёх метрах. Наушник — один, в ухе. Второй —

нашли в одиннадцать метрах, в траве у бордюра.

И на весь протокол — одна строчка, за которую в этом деле вообще стоило браться:

Следов торможения на проезжей части не обнаружено.

Аня перечитала её три раза.

Человек, который случайно сбивает велосипедиста, жмёт на тормоз. Это не героизм, это рефлекс: нога сама уходит на педаль раньше, чем голова понимает, что случилось. Следов торможения не бывает тогда, когда водитель тормозить не собирался.

Она пролистала дальше. Свидетелей — ноль. Камер по Складочной — две, обе стёртые: одна на проходной, вторая у склада, и у второй, по документам, «истёк срок хранения архива, остаточные данные отсутствуют».

Между делом Варламова и небом не было ни одной точки, за которую можно было зацепиться. Поэтому дело и приостановили — Аня догадалась об этом ещё до того, как увидела последний лист.

Но в самом низу связки лежало то, чего в приостановленном деле быть не должно.

Тонкая папка, чужим шрифтом на обложке — «Сведения из организации». Внутри — ответ ООО «Ритм-Доставка» на запрос: *сотрудник Варламов Т. Р. в ночь с 13 на 14 января осуществлял трудовые обязанности. Претензий к качеству работы не имеется. Последняя операция по его аккаунту —*

завершение доставки в 03:41.

Аня подняла голову.

Время смерти — с 03:20 до 03:45. Последняя операция по аккаунту — 03:41.

Человек в 03:41 лежал на асфальте. К этому моменту его телефон уже валялся в трёх метрах от него, разбитый. И именно в эту минуту — не раньше, не позже, — его аккаунт закрыл доставку.

Она сфотографировала лист, потом ещё раз, крупно, строку со временем.

День 3. 10:20. Отдел «К», четвёртый этаж

— Аня, ты понимаешь, что я тебе этого не говорил?

Стас был маленький, в очках с толстыми линзами, и пил энергетик из банки, поставленной на подоконник, потому что на столах в отделе «К» не хватало места под системные блоки. Два года назад они вместе вели дело об исчезнувшей партии телефонов, и дело было красивым: аккуратные логи, ровные цифры, идеальное обвинение. А потом выяснилось, что логи кто-то редактировал, данные — сфабрикованы, и обвинение развалилось в суде так тихо, что об этом не написали даже в новостях. Начальство сочло инцидент рабочим моментом. Аня с тех пор не могла смотреть на «идеальные данные» без тошноты.

— Ты просто покажи, — сказала она.

— Я показываю. — Стас развернул к ней монитор. — Ак-

каунт курьера Варламова, Тимур Рустамович. Ночная смена, дарк-стор «Ритм-Север». Вот последние сутки его жизни.

Он прокрутил.

01:22 — вход в систему. Принят заказ. Пометка: вне планового графика.

01:47 — выезд с дарк-стора.

02:58 — отметка «на месте».

03:41:17 — статус заказа изменён на «вручено лично».

— Стоп. — Аня наклонилась к экрану. — Кто поставил?

— В том и дело. — Стас потёр глаз под очками. — В журнале исполнитель не указан. Есть изменение статуса, а исполнителя нет. Так бывает, когда правку делает система, а не человек. Или когда человек, который умеет делать так, чтобы система думала, что это сделала она.

— А до этого?

— До этого — ничего. — Стас снова прокрутил окно. — Между 02:58 и 03:41 у аккаунта нет ни одной активности. Ни одного нажатия. Ни карты, ни чата, ни звонка. Девяносто минут тишины.

— Он в это время ехал.

— Или лежал, — сказал Стас и, поняв, что сказал, замолчал.

Аня заставила себя не отводить взгляд от цифр.

— Ещё что-нибудь есть?

— Есть. — Стас застучал по клавишам. — Заказ, который

он вёз той ночью, оформлен без отправителя. Ночные заказы бывают без отправителя, это нормально — курьер сам находит получателя по коду. Но вот тут интересное.

Он открыл ещё одну вкладку — серую, невзрачную, с длинными колонками.

— Журнал суточных срезов. Система каждый день в 03:40 собирает данные за сутки: сливает правки, служебные корректировки и обычные записи в один ровный слой. Тебе это ничего не говорит, ты следователь, ты в это не веришь. — Он посмотрел на неё. — А зря. Потому что за ночь четырнадцатого января в срезе есть одна корректировка. Время — 03:39:40. Основание — «восстановление хронологии». Терминал — ОР-06.

Аня почувствовала, как в затылке стало холодно, ровно в том месте, где обычно начинается работа.

— Три тридцать девять сорок, — сказала она. — За двадцать секунд до среза.

— Именно. — Стас откинулся на стуле, и стул скрипнул. — Если ты хочешь, чтобы правка исчезла, ты должен вставить её до среза. После среза она уже часть истории. Как ручей в реку.

— Кто такой ОР-06?

— Служебный терминал. Двенадцатый этаж, операционная. — Стас допил энергетик. — Аня, я тебе этого не говорил.

11:05. Отдел, кабинет 312

Полковник Тарасов сидел так, как сидят люди, которые давно перестали вставать навстречу, — грузный, широкий, в рубашке, застёгнутой на все пуговицы, при том что в кабинете было душно. Усы у него были подстрижены неровно. левый край короче правого, и это почему-то всегда раздражало Аню больше, чем сами усы.

— Крылова. — Он не спросил, а обозначил. — У тебя заявление об исчезновении.

— Так точно.

— Тогда ответь мне, почему в деле об исчезновении у меня второй день всплывает Варламов. — Тарасов постучал пальцем по стопке бумаг. — Варламов — это который погибший курьер из января. Дело приостановлено. Мне это дело, Крылова, уже приносили. Дважды.

— Это брат заявительницы.

— Я знаю, кто это. — Он откинулся на спинку, и стул под ним крикнул. — Я тебе не про родню. Я тебе про то, что у меня нет версии. Есть человек, который последним был у двери пропавшей женщины, — и это, между нами, прекрасная версия. Курьер, ночная смена, след в системе. Прокуратура такое любит, газеты такое любят, начальство такое любит.

— Версия не сходится, — сказала Аня. — У двери он был. В квартире не был. Это доказано.

— Доказано чем? — Тарасов посмотрел на неё поверх очков, которые он носил на кончике носа. — Его же прибором?

— Ковриком, — сказала Аня. — Дождь шёл всю ночь, коврик сухой.

Полковник помолчал, потом хмыкнул — единственный звук, которым он обычно выражал и одобрение, и предупреждение сразу.

— Хорошо. Три дня. — Он поднял три пальца и стал загибать их по одному. — Первое: у меня должна быть версия, которую я могу положить на стол. Второе: если ты всё-таки полезешь в «Ритм», ты полезешь туда официально, через запрос, я не хочу потом объяснять, почему у нас в отделе играют в сыщиков. Третье, — он загнул третий палец и посмотрел на неё без всякого выражения, — мне сегодня утром звонили из главка и спрашивали, чем занимается моя Крылова. Я сказал, что ничем, кроме исчезновения. Мне не понравилось, что они звонили.

Аня вышла из кабинета и только в коридоре поняла, что за три минуты разговора Тарасов ни разу не спросил, что она нашла.

11:40. Отдел, кабинет 314

Эксперт Грибов ответил на третьем звонке, сразу узнал её по голосу и сразу всё понял.

— Ты по Складочной? Я ждал.

— Валентин Аркадьевич, там нет тормозного пути.

— Нет, — согласился эксперт. — И, чтобы ты не спрашивала дважды: нет его и в двух других местах. Удар пришёл в

заднее колесо, смещение вправо, велосипед увело к бордюру. Я написал в заключении «наезд неустановленного автомобиля», потому что мне не разрешили написать другое.

— А какое другое?

— Что его не догнали, — сказал Грибов. — Его вытеснили. Сзади, боком, аккуратно — так, чтобы он поехал не прямо, а вправо. На скорости двадцать с небольшим это выглядит как ДТП. Это и есть ДТП, юридически. Только водитель в это время не тормозил. Водитель в это время уезжал.

Аня сидела очень тихо.

— Спасибо, — сказала она.

— Аня, — остановил её эксперт, — я не знаю, что ты там раскапываешь, но такие вещи делают не по глупости. Такие вещи делают по расчёту.

Она положила трубку, открыла блокнот и выписала в столбик то, что у неё было.

01:47 — закрыт заказ Варламовой. Кода не было. Правки в журнале нет.

03:41 — закрыт заказ Тимура. Он в это время был мёртв девяносто минут как.

03:39:40 — правка с терминала ОР-06, за двадцать секунд до суточного среза.

Тормозного пути нет. Его вытеснили.

Она посмотрела на этот столбик и поняла, что цифры в нём стоят слишком ровно. В её практике идеальные цифры всегда кто-то расставлял — и, как правило, для суда, а не

для правды.

Единственное, что не вписывалось в ровный столбик, была женщина, которая в квартире двадцать восемь не допила кофе, спрятала пропуск мёртвого брата за пазуху куртки и ушла в ночь так, чтобы её заказ закрыли статусом «вручено лично».

Аня потянулась за телефоном, чтобы записать это отдельной строкой, — и в этот момент телефон зазвонил сам.

Звонили из «Ритма». Из службы безопасности.

ЛОГ 03:40

Служебная сводка суточного контура. Срез сформирован: 03:40:00.

Записей с признаком «ручная корректировка»: 1.

Терминал: ОР-06.

Основание: восстановление хронологии.

Комментарий оператора: —

Согласование: не требуется.

Замечание смены: активность на линии получателя в период 22:10–02:15 не зафиксирована.

Подпись смены: Б. Л.

Глава 7. Дверь без хозяйки

День 3. 07:20. Усачёва, 26, двор

Смена закончилась в шесть, и Кирилл сделал глупость: поехал не домой.

Дом был на Профсоюзной, а он поехал на Усачёву — через мост, по пустым утренним набережным, где Хамовники ещё спали, а мойщики у магазинов уже поднимали железные ставни. Велосипед под ним шёл ровно, привычно поскрипывая в левой педали, и это поскрипывание было единственным, что за последние сутки не вызывало у Кирилла желания что-нибудь проверить.

Он не собирался ничего нарушать. Он собирался посмотреть.

Двор в семь утра выглядел так, как выглядят все московские дворы, когда в них никого нет: три машины, прижатые к бордюру, качели с провисшими цепями, контейнеры, из которых торчал угол картонной коробки, и оранжевая лента на детской площадке, натянутая кем-то от столба к столбу и, судя по провису, давно.

Кирилл поставил велосипед у дерева, снял рюкзак, достал лист смены и ручку.

Первое, что он сделал, — сосчитал камеры.

Их было три. Первая — с «глазом» на углу дома, над вторым подъездом, смотрела вниз и вправо, на площадку и пар-

ковку. Вторая — у контейнеров, куполом, на столбе. Третья — городская, на въезде во двор, и её было видно издалека по красному кольцу вокруг объектива.

Кирилл прошёл двор шагами — от подъезда до арки, от арки до контейнеров, от контейнеров до въезда, — считая шаги и записывая в лист. Два шага у него в среднем выходили на полтора метра, на асфальте он не ошибался почти никогда; привычка осталась от тех времён, когда приходилось снимать участок одному, без помощника, и одновременно держать в голове рейку, штатив и журнал.

От арки до второго подъезда вышло сорок восемь шагов — семьдесят два метра.

Второе, что он сделал, — посмотрел, куда не смотрят камеры.

Угловая над подъездом брала площадку и половину парковки. Купол у контейнеров — самую грязную зону. Городская — въезд и часть тротуара за ним. А между аркой и вторым подъездом оставался участок длиной шагов в двенадцать — от угла дома до старой липы, которую, судя по толщине ствола, никто не трогал лет сорок.

Двенадцать шагов, метров восемнадцать. Хорошо закрытый кроной липы, укрытый от угловой камеры её же ветками.

Кирилл стоял в этом месте и думал о том, что в его профессии такие участки назывались «мёртвыми зонами» и что за них обычно отвечал не злой умысел, а лень: фотограммет-

рию делали по снимкам сверху, деревья вырезали, а что под ними — никого не интересовало. Он сам трижды попадал в такую ловушку: чертил проход под старым тополем, а на месте оказывалась бетонная плита.

Он записал в лист три строчки и пририсовал схему двора. Квадратик дома, кружки камер, крестик у липы. Схема получилась похожей на детский рисунок, но он всё равно её нарисовал — привычка: записанное рукой помнится дольше.

07:50. Будка консьержа

Будка стояла у первого подъезда, стеклянная, размером с полторы телефонные кабины, и в ней горел свет.

Внутри сидела женщина лет шестидесяти в жилете с множеством карманов — такие жилеты любят люди, которые работают с ключами, — и вязала. Очки у неё висели на цепочке поверх жилета, спицы постукивали ровно, как метроном.

— Здравствуйте, — сказал Кирилл через открытую форточку. — Я из доставки. Вчера ночью я привозил заказ во второй подъезд.

— Ночью я не работаю, — сказала женщина, не поднимая головы. — Я с восьми.

— Я знаю. Я не про вас, я про подъезд. — Он помолчал. — Я вам не вру. Мне нужно понять одну вещь, и это не про работу, это про человека из двадцать восьмой квартиры. Женщину зовут Елена Сергеевна, её вчера объявили в розыск.

Спицы остановились.

Женщина отложила вязание на колени и посмотрела на него внимательно, с той прямотой, которая появляется у людей, много лет проработавших в подъезде и навидавшихся всего.

— Тамара Ивановна, — сказала она, будто предъявляя документ. — Давайте так. Вы пьёте чай?

— Чай пью.

— Тогда заходите. Не люблю разговаривать через форточку.

Будка внутри была тесная и уютная: электрочайник, стол, тетрадь, в которой она записывала, кто и когда приходил, пакет с баранками. На стене висели ключи — двадцать два крючка, и на четырёх из них болтались ключи от квартир «долгих больных», как она сама пояснила.

Кирилл сел на табурет, положил рюкзак на колени — так, чтобы ничего не мешало, — и Тамара Ивановна налила ему чай в самый обычный стакан с подстаканником.

— Я её знаю пять лет, — сказала она. — Аккуратная. Здоровается. Никогда не ходит в тапках за газетой, как некоторые. — Спицы снова застучали, уже размеренно. — В позапрошлый вторник она подошла ко мне и спросила: «Тамара Ивановна, а камера в подъезде работает?»

Кирилл поставил стакан.

— Вы уверены, что в позапрошлый вторник?

— У меня всё записано, — сказала консьержка и открыла тетрадь. — Я, молодой человек, тридцать лет в подъездах и

вела записи ещё когда вас не было. Вторник, одиннадцатое число, время двадцать к девяти. Спросила: работает камера, кто смотрит записи, можно ли их взять. — Тамара Ивановна подняла на него глаза. — Я ей ответила, что записи берут только по заявлению. А она сказала: «Значит, придётся по заявлению».

— А ещё что-нибудь она спрашивала?

— Ещё спросила, кто в доме ставит посылки в 27-ю квартиру. — Консьержка пожалала плечами. — Я говорю: так почтальон, кто ещё. А она говорит: «Почтальон почтальоном, но из двенадцати заказов одиннадцать приходят ночью».

Кирилл заметил, что не дышит, и заставил себя вдохнуть.

— Тамара Ивановна, — сказал он. — Ночь с тринадцатого на четырнадцатое. Вы уже не работали, но, может быть, вы что-то видели из окна? Я понимаю, что вопрос странный.

— Не странный, — сказала она. — Я в ту ночь плохо спала, а окна у меня во двор. Я вам даже скажу, во сколько: без двадцати два.

Кирилл посмотрел на неё.

— У второго подъезда стояла машина, — сказала консьержка, буднично, как сообщают погоду. — Двигатель работал, габариты горели. Логотип ваш, на дверях, эти ваши буквы. Я ещё подумала: чего он стоит, если заказ несут. Водитель из машины не выходил. Я посидела, посмотрела и легла.

— В 01:40 машина стояла?

— В двадцать минут второго, я сказала. — Тамара Ивановна поджала губы. — И стояла она, пока я чай пила. Я вернулась в постель, посмотрела на часы — без четверти три. Машины уже не было.

Кирилл сидел с остывающим чаем в руке.

В 01:39 он подъехал к подъезду. В 01:39 в двадцати метрах от него, за деревьями, в так называемой мёртвой зоне, стояла машина с логотипом его собственной компании, с включённым двигателем и без водителя, который бы выходил.

Он не видел её. Он вообще ничего не видел, кроме фонаря и коврика.

— Они всю ночь там были, — сказала Тамара Ивановна.

— Вы, кстати, кто ей?

— Никто, — сказал Кирилл. — Курьер. Я привёз коробку, и из-за этой коробки теперь у меня проблемы.

— Всё в этом доме из-за коробок, — вздохнула консьержка и взялась за спицы. — Тридцать лет одно и то же. Ко мне за хлебом пошли, а беда пришла с коробкой.

Кирилл поднялся, поблагодарил и вышел во двор.

У второго подъезда на лавочке сидела женщина с собакой — маленькой, лохматой, в попоне, — и курила, держа сигарету в стороне, чтобы дым не шёл на собаку.

— Извините, — сказал Кирилл. — Вы в двадцать седьмой квартире живёте?

— В двадцать седьмой, — сказала женщина. — Галина. А

вы по какому вопросу? Если реклама — не беру, если опрос — не участвую.

— Я не реклама. — Он показал куртку, логотип на рукаве. — Я вожу заказы. У вас из этого подъезда заказы ночью часто приходят?

Галина затаилась и посмотрела на него так, как смотрят на человека, который наконец задал вопрос, который ей давно хотелось обсудить.

— Каждую неделю, — сказала она. — Я вам больше скажу: из двадцать седьмой. Я как-то раз в лифте встретила курьера с коробкой, спрашиваю: к кому? Он говорит: в двадцать седьмую. Я ему: так я из двадцать седьмой, у нас никого не ждут. А он мне показывает телефон: «Вот адрес, вот квартира, вот код». Ну, я подумала, ошибся человек.

— И что было?

— А то, что я потом два дня дома сидела, — сказала Галина. — У нас там никто не живёт уже год. Хозяйка умерла, квартира в наследстве, её племянница приезжает раз в месяц — цветы полить. И вот, представьте: пустая квартира, а заказы идут.

Кирилл молчал.

— Я в управляющую компанию ходила, — продолжала Галина, — мне сказали: может, вам кажется. Я и перестала ходить. Собаку вот выгуливаю.

— А куда курьеры эти заказы оставляют?

— Под дверь, куда же ещё. — Она затушила сигарету о

край урны. — Утром коробок нет. И вот это мне, знаете, больше всего не нравится. Не то, что привозят. А то, что всё исчезает.

Он пошёл к тому месту у липы — к мёртвой зоне, откуда не видно ни камеры, ни подъезда, зато видно фонарь и вход в подъезд, — постоял там минуту и записал в лист:

01:40–02:40. Машина «Ритма» во дворе, двигатель работал. Водитель не выходил. (Т. И., окна во двор).

Потом вернулся к двери, присел на корточки и, наконец, сделал то, что не сделал ни вчера, ни ночью: приподнял край коврика.

Резина под ковриком была сухая. Но у самого порога, на бетоне, светлела тонкая полоска — след от липкой ленты. Такую полосу оставляет скотч, если его отлепить: остаётся не клей, а чистое пятно, где не легла пыль. Пятно было короткое, сантиметров десять, и шло вдоль двери.

Кто-то приклеивал сюда что-то плоское. И снял.

Кирилл сфотографировал полосу — телефон у него, в отличие от велокомпьютера, был дешёвый, но с камерой, которая честно снимала серое московское утро, — и выпрямился.

В листе смены у него появилась ещё одна строка, между скотчем и машиной:

Кв. 27 — пустая год (Галина, соседка). Заказы идут ночью каждую неделю. Коробки утром исчезают.

И только тогда заметил, что во двор, со стороны арки, въе-

хал ещё один велосипед.

Тёмная фигура в куртке с логотипом остановилась у первого подъезда, поставила ногу на асфальт и смотрела прямо на него.

Кирилл узнал куртку раньше, чем человека: она была на размер больше, рукава подкатаны, а на правом плече — потёртость от лямки рюкзака. Точь-в-точь как у куртки, что висела вчера в шкафу двадцать восьмой квартиры.

— Одинцов? — сказал приехавший. — Тебя в офисе ждут. К девяти.

Глава 8. Два времени

День 3. 09:00. Садовая-Сухаревская, офис «Ритм-Центр»

Офис курьерской службы на Садовой-Сухаревской был витринным.

Здесь всё было чистым: стекло, стойки, диваны цвета мокрого асфальта, кофейный автомат, который работал, и стена с экраном, на котором каждые тридцать секунд менялись цифры — «доставок сегодня», «среднее время», «рейтинг города». Цифры были приятные. Москва на экране доставляла всё вовремя и всем была довольна.

Кирилл сидел в переговорной, которая называлась «Волга», и ждал двадцать минут.

За эти двадцать минут он успел рассмотреть: дверь без единой царапины, кулер, три стула, на одном из которых лежал забытый шарф, и папку на столе, на которой было напечатано «Стандарт сервиса. Ночная смена. Внутреннее».

Папку он не открыл. Он просто прочитал название и запомнил, на каком месте она лежит.

В 09:20 в переговорную вошёл человек.

Молодой, лет двадцати восьми, чистый, как эта переговорная: светлая рубашка без единой складки, дорогие очки в тонкой металлической оправе, причёска, которая держится сама собой. Он улыбнулся Кириллу так, как улыбаются лю-

ди, которых научили, что улыбка — это сервис.

— Кирилл Андреевич! Никита, операционный сервис. Извините за ожидание, утренний брифинг. — Он сел напротив, положил на стол планшет и тонкую папку. — Сразу к делу: мы разобрались. Прошу прощения за неудобства. Ваша история поездки восстановлена.

— Восстановлена, — повторил Кирилл.

— Да. У нас был сбой синхронизации в ночь с тринадцатого на четырнадцатое. — Никита открыл планшет и развернул его экраном к Кириллу. — Вот, смотрите.

На экране была карта. Знакомая ломаная линия — его ночная поездка: Юг, Ленинский, Комсомольский, Усачёва, потом четыре адреса, потом дом.

Кирилл достал из сумки велокомпьютер и положил на стол рядом с планшетом. Прибор был старый, с потёртой кнопкой, но честный: он писал время с точностью до секунды и никогда ничего не забывал.

— В системе вы выехали от подъезда в 02:15, — сказал Никита.

— Я выехал в 01:56.

— Вот и сбой. — Молодой человек улыбнулся ещё мягче. — В системе потерялось девятнадцать минут. Мы их восстановили — теперь всё сходится: выехали в 02:15, потому что ждали подтверждения от клиента.

— Я не ждал подтверждения. Я уехал в 01:56, потому что получил закрытый заказ и следующий адрес.

— Кирилл Андреевич, — Никита сцепил пальцы, — я вас понимаю, но давайте смотреть на факты. У нас есть «история поездки», а у вас — прибор. Прибор — это ваша собственность, мы за неё не отвечаем. А история поездки — это наш служебный документ.

Кирилл молчал.

Он вспомнил, как один раз в геодезии ему сказали ровно то же самое: «У вас журнал, у нас каталог координат; журнал — ваша собственность». Тогда он переснял участок заново и доказал, что каталог врал. На это у него ушла неделя и четыре зарплаты.

— Дайте распечатку, — сказал он.

— Какую?

— Вашу историю поездки. На бумаге. С временами по всем заказам.

Никита помолчал секунды две, потом кивнул и вышел. Вернулся он через четыре минуты — с тремя листами, свежими, ещё тёплыми из принтера, и с папкой под мышкой.

В папке лежало заявление.

«Претензий к работе сервиса не имею. Данные о смене считаю корректными. Обязуюсь не распространять сведения о внутренних процессах компании».

— Что это? — спросил Кирилл.

— Формальность, — сказал Никита. — У нас сбой, мы не хотим, чтобы это ушло в чаты. Вы подписываете — мы платим вам премию за переработку. Четыре смены, между

нами. И, — он чуть понизил голос, изображая заботу, — мы снимаем с вас два предупреждения за прошлый месяц.

— За что предупреждения?

— За отклонение от маршрута. — Никита развёл руками. — Формально. По карте вы один раз поехали не по рекомендованному пути.

— Я поехал дворами, потому что на Комсомольском был ремонт, — сказал Кирилл. — И я об этом писал в чат.

— Я же говорю: формально. — Никита подтолкнул папку на два сантиметра ближе к нему. — Кирилл Андреевич, вы взрослый человек. Это бумага, а не приговор.

Кирилл взял листы с историей поездки, положил их в рюкзак и встал. Папку он не тронул.

— Я подумаю, — сказал он.

— Подумайте, — согласился Никита, не переставая улыбаться. — Но, знаете, у нас есть ещё один момент. Чисто технический. — Он снова развернул планшет. — Вот здесь, в 01:47, по вашему аккаунту закрылись два заказа.

Кирилл замер.

— Два.

— Да. Первый — Усачёва, двадцать шесть, тот, по которому у вас вопросы. — Никита провёл пальцем по экрану. — А второй — на Нижней Масловке, дарк-стор «Ритм-Север». Транзитный, без получателя, закрыт с вашего аккаунта ровно в ту же минуту.

— Я не был на Нижней Масловке. Я был в Хамовниках.

— Я знаю, — сказал Никита и впервые за разговор посмотрел на него без улыбки. — Я вам больше скажу: я это вижу. Тут и тут у меня в системе стоит ваше имя. В двух концах города, в одну минуту, одним и тем же человеком.

— Это значит, — медленно произнёс Кирилл, — что либо ваша система врёт, либо на моём аккаунте кто-то работал.

— Или, — Никита закрыл планшет, — это значит, что система просто зафиксировала то, что есть. Знаете, что говорят у нас в отделе? Система не ошибается. Ошибаются люди, которые думают, что помнят лучше, чем она.

Он встал и подал Кириллу руку.

Кирилл руки не пожал. Он забрал рюкзак, вышел через холл, где автомат по-прежнему выдавал кофе, а на стене менялись жизнерадостные цифры, вышел на Садовую-Сухареvскую и только у велосипеда вспомнил, что не дышит.

День 3. 12:40. Пятницкая, мастерская

— Дай посмотреть, — Гоша вытер руки о футболку — ту самую, зелёную, с пятном от чая на груди, которая, кажется, была у него одна, — и взял распечатку.

Он читал стоя, шевеля губами, и по его лицу было видно, как он доходит до правильного места почти сразу.

— Два заказа, — сказал он. — В одну минуту.

— В одну.

— И один из них — «Север».

Кирилл кивнул.

Гоша положил листы на стол, сел на диван и посмотрел на него так, как в последний раз смотрел три года назад, когда Кирилл рассказывал ему про декабрьское несоответствие времени.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Работает второй человек, — сказал Кирилл. — Или система приписывает заказы. Тогда почему именно мои? Я никого не подставлял, я платину держу второй год, у меня ни одного штрафа с листа.

— Ты держишь лист, — сказал Гоша. — Вот за это.

Он встал, подошёл к шкафчику, достал оттуда пакет с сухарями, насыпал в ладонь и стал есть, глядя в стену.

— Кирилл, слушай сюда. Когда ты один раз написал в поддержку «у меня время не совпадает», а тебе ответили «мы поправим», — кто это читал?

— Поддержка.

— Кто в поддержке читает обращения курьеров?

— Оператор.

— А кто читает оператора? — Гоша повернулся. — Тот, у кого доступ выше. Ты ведь не просто написал. Ты написал слово «несовпадение». А это, знаешь, как звонок в дверь: если человек в квартире что-то прячет, он не говорит «у нас всё в порядке», он говорит «спасибо, я подумаю». — Он стряхнул крошки с ладони. — Тебе предложили премию?

— Четыре смены.

— А не нужно было бы. — Гоша покачал головой. — Зна-

ешь, что настоящие делают, когда хотят, чтобы человек молчал? Они ничего не предлагают. Они просто ждут, пока человек сам испугается. А если предлагают деньги — значит, им нужна его подпись.

Кирилл достал из рюкзака распечатку и разложил её на столе, рядом с листом смены.

Девятнадцать минут. Два заказа в одну минуту. Пятно от скотча у двери. Машина с логотипом, которая стояла во дворе почти час с работающим двигателем.

Он взял ручку и в третий столбик своего листа — туда, где он записывал отклонения, — вписал одну строку:

Два заказа. 01:47. Усачёва + «Ритм-Север». Одним аккумулятом. Одной минутой.

Потом посмотрел на «Ритм-Север» и вспомнил вчерашний пропуск на кровати: куртка мёртвого курьера, потёртость от лямки на правом плече, и на обороте карточки — приклеенный обрывок с цифрами **0 4**.

— Гош, — сказал он. — Ты знал Тимура Варламова?

Гоша перестал жевать.

— Знал, — сказал он. — Он у нас месяца четыре ездил по ночам. Молодой, из тех, кто здороваётся со всеми. — Пауза. — Его в январе на Складочной сбили.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы человек закрыл заказ через двадцать минут после смерти?

— Нет, — сказал Гоша. — И не хочу. — Он помолчал и добавил, тише: — Знаешь, что самое поганое? У него на по-

хоронах была сестра. Она стояла у гроба и всё время смотрела на телефон. Я тогда подумал: вот бессердечная. А потом до меня дошло, что она не на телефон смотрит. Она смотрит на время.

Глава 9. Слепая камера

День 3. 16:30. Управляющая компания, Хамовники

В управляющих компаниях всегда одинаковый запах: бумага, кофе из пакетиков и мокрые куртки.

Анна Крылова сидела в маленьком кабинете, где на стене висела схема дома, распечатанная на двух листах А4 и склеенная скотчем, и ждала техника. Участковый стоял у двери, потому что в такие кабинеты он всё равно не помещался.

Техник пришёл через семь минут: молодой, лет двадцати пяти, в худи, с зелёным рюкзаком на одном плече и наушником в ухе, который он вынул уже на ходу.

— Артём, — представился он. — Я камеры обслуживаю. Что случилось?

— Ночь с тринадцатого на четырнадцатое, — сказала Аня. — Второй подъезд, дом двадцать шесть по Усачёвой. Мне нужна запись с камеры подъезда.

— Сейчас глянем. — Артём сел за свой компьютер, подвинул клавиатуру, ловко вошёл в систему. — У нас регистратор в подсобке, архив тридцать дней. Второй подъезд... вот.

На экране открылась сетка: четыре окна — подъезд, тамбур, лестница, площадка первого этажа.

— Дождёмся загрузки, — сказал Артём. — Канал узкий, тут всё долго.

Аня положила на стол телефон и сцепила руки. В такие минуты она всегда напоминала себе, что торопить технику бессмысленно, и всё равно не любила ждать.

Окно загрузилось.

Ночь тринадцатого на четырнадцатое, время 01:38. Пустой подъезд. Белый свет лампы. Ровная картинка.

01:39 — в кадр входит человек. Высокий, худой, в куртке, с рюкзаком на спине и коробкой в руках. Ставит велосипед у стены за кадром — не видно, — поднимается к площадке. Смотрит на дверь. Потом смотрит на телефон.

— Это курьер, — сказала Аня. — Он у меня в деле.

— Понял, — сказал Артём без интереса.

01:41 — человек у двери, руки опущены, коробка в левой. Видно, как он нажимает звонок. Стоит. Не отходит от двери.

Аня смотрела внимательно, потому что эти минуты были единственным честным свидетелем во всём деле: не прибор человека, не система, а камера сбоку, объектив в углу.

01:41:07 — картинка исчезла.

Аня не сразу поняла, что произошло. Просто вместо подъезда на экране стал чёрный прямоугольник с белесой рябью.

— Всё, — сказал Артём.

— Что «всё»? — спросила Аня.

— Пропало. Все четыре канала.

Она смотрела на чёрные окна.

— До какого времени?

Артём щёлкнул мышкой, перетащил ползунок, потом ещё

раз.

— Вот. Возобновляется в 01:53:00 ровно.

— Двенадцать минут.

— Двенадцать минут, — подтвердил он и почесал подбородок. — Странно.

— Почему странно?

— Потому что обычно, когда регистратор виснет, он виснет или на несколько часов, или до перезагрузки. А тут ровная дырка на двенадцать минут. Как отрезали.

Аня подумала, что именно этого и ждала, и от этого во рту стало сухо.

— Дайте мне журнал системы, — сказала она. — Кто входил, что делал, какие были сбои.

— Журнал... — Артём поморщился. — Я вам покажу, только вы не подумайте, что это я. У нас там учётки от подрядчика, пароль общий, меняли два года назад. Технадзор ругается, а мы не меняем, потому что иначе по всей Москве ездить — по одному адресу в день.

Он открыл вкладку. Список входов шёл длинными строками, и в конце списка, на 01:41, стояла запись:

Вход: service_s. Пользователь: подрядчик (общая). Действие: перезапуск службы регистратора. Примечание: —

— Перезапуск службы, — прочла вслух Аня.

— Ага. В 01:41:07. И ровно после этого — дырка.

— Кто перезапустил?

— Учётка общая. — Артём развёл руками. — Ей пользуются четыре человека: я, второй техник, электрик и организация, которая нам ставила систему. Ну и ещё те, кому электрик давал.

— Давал кому?

— Кому угодно, — сказал Артём честно. — Он человек добрый.

Аня отметила это в блокноте и вдруг увидела, что смотрит не туда, куда смотрят все.

Все в отделе — да и она сама вчера — читали эту дырку как «кто-то стирал похищение». Удалял следы преступник: значит, в подъезде было преступление.

Но дырка начиналась в 01:41:07.

Ровно в ту минуту, когда курьер нажал звонок.

И заканчивалась в 01:53:00 — ровно в ту минуту, которую в системе поставили как «вход получателя в квартиру».

Никто не прятал похищение. Прятали подъезд в те минуты, когда там стоял Кирилл Одинцов, — то есть его присутствие: до звонка он в подъезде был виден, после — уже нет. Оставалось только одно честное подтверждение — его собственный рассказ и сухой коврик.

Кто-то очень аккуратно сделал так, чтобы человека у двери невозможно было ни оправдать, ни обвинить: ни одного кадра, ни одного свидетеля, кроме его собственного прибора.

— Артём, — сказала Аня. — А есть ли у вас что-нибудь,

что пишет отдельно? Домофон, например. Он же у вас умный, вы его два года назад ставили?

— Домофон пишет фото в приложение «Мой дом». — Артём пожал плечами. — Но это не у нас. Это в облаке у них. — Достаньте мне эти фото. Все. За ночь.

19:10. Отдел, кабинет 314

К семи вечера у Ани на столе лежали три распечатки, которые она не собиралась никому показывать, пока не поймёт их сама.

Первая. Заказ Варламовой: закрыт вручную в 01:47, кода нет, правки в журнале нет.

Вторая. Камера подъезда: интервал 01:41:07–01:53:00 отсутствует. Вход в систему в 01:41:07 — по общей сервисной учётке.

Третья. Фотографии с домофона за ту же ночь: 01:39 — человек с коробкой входит в подъезд; 01:56 — человек в подъезде один, уходит.

Всё. Между 01:39 и 01:56 — ни одной фотографии, хотя домофон снимал каждого, кто нажимал вызов.

Аня отложила листы и позвонила Кириллу.

Он ответил быстро, не на ходу: слышно было, что где-то тихо и он не едет.

— Одинцов. Это Крылова.

— Добрый вечер.

— Вы сегодня были на Усачёвой. С утра.

Пауза.

— Был, — сказал он.

— Почему я об этом узнаю от участкового, а не от вас?

— Потому что я вам официально не свидетель, а вы мне официально не разрешали. Я ездил не по делу, а по себе. — Он говорил ровно. — Я задавал вопросы консьержке. Хотите — привезу запись листа, там всё записано.

— Через полчаса, — сказала Аня. — И ещё: у вас осталось в телефоне фото с того места, где... — она посмотрела в свои распечатки, — где вы стояли на площадке?

— У меня в телефоне всё с той ночи. Двенадцать фотографий заказа и четыре лишних.

— Лишних?

— Я снял площадку, лестницу, изгиб стены и место, где на полу видно след от чего-то приклеенного. Коврик я приподнял сегодня утром.

Аня молчала секунду.

— Приезжайте, — сказала она. — И учтите: с завтрашнего дня вы у меня идёте по делу не как свидетель. Извините.

Он не сразу ответил.

— Почему?

— Потому что камеры в подъезде не работали ровно двенадцать минут, — сказала Аня. — Ровно те минуты, которые вы там стояли. А это значит, что либо вы их выключили, либо их выключил тот, кто знал, во сколько вы нажмёте звонок.

20:40. Отдел, коридор

Звонок пришёл, когда она уже стояла с курткой в руке.

Номер был городской, из тех, что определяются как «организация».

— Анна Сергеевна? — сказал мужской голос, вежливый, ровный, без единой шероховатости. — Служба безопасности «Ритма», меня зовут Дмитрий. Мы с вами ещё не разговаривали, но у нас общий интерес: заказ 880-14 и наша курьерская смена.

Аня прижала телефон плечом и натянула куртку.

— Я вас слушаю.

— Мы хотим помочь следствию, — сказал Дмитрий. — У нас есть записи с камер дарк-стора, журналы сканирования заказов, объяснения операторов. Мы готовы всё передать официально. Знаете, у нас тоже есть вопросы к этой ночи.

— Хорошо, — сказала Аня. — Тогда присылайте запрос, я оформлю изъятие.

— Разумеется, — согласился он слишком быстро. — Только есть одна деталь, Анна Сергеевна. В наших журналах зафиксировано, что заказ 880-14 закрыт с телефона курьера Одинцова Кирилла Андреевича. Не вручную. С его устройства.

Аня остановилась посреди коридора.

— Этого не может быть, — сказала она.

— Мы тоже так думали, — мягко сказал Дмитрий. — По-

этому и звоним. Если у вас есть копия его прибора — пришлите нам на сверку. А то получается нехорошо: человек говорит, что не закрывал, а система говорит, что закрывал.

Он попрощался и положил трубку.

Аня постояла в коридоре, глядя на своё отражение в тёмном окне, отражение, у которого была растрёпанная чёлка и узел, собранный наспех.

В 01:47 телефон Кирилла был у него в руке — он звонил в поддержку. Голос его в записи есть. А по журналам «Ритма» получается, что в ту же секунду он закрыл заказ.

Одно из двух.

Либо в системе есть чужая сессия под его именем, и её только что предложили «сверить».

Либо кто-то очень тщательно строит обвинение, в котором у Кирилла Одинцова не останется ни одной честной двести.

Глава 10. Чужой профиль

День 4. 10:15. Отдел, кабинет 314

Утром Крылова сделала то, что делала всегда, когда версия складывалась слишком гладко: пошла не в ту сторону, в которую её вели.

Ей предлагали курьера. Она пошла искать систему.

Аня открыла выгрузку по заказу 880-14 и вернулась к строке, которая не давала ей спать: второй заказ, закрытый в 01:47 с того же аккаунта, — Нижняя Масловка, дарк-стор «Ритм-Север», транзитный, без получателя.

Транзитные заказы — это когда курьер перемещает груз между складами внутри сети. Их закрывают по сканированию, а не по коду. Значит, закрыть такой заказ можно с телефона. Вопрос был в том, с какого именно.

Аня села к компьютеру и открыла карточку курьера «Одинцов Кирилл Андреевич».

Смена: ночная. Рейтинг: платина. Заказов выполнено: 4 118. Нарушений: 0.

Обращения в поддержку: 2.

Устройство: зарегистрировано одно (iPhone SE, 2019). Активные сессии: одна.

Одна сессия.

Она запросила журнал авторизаций за ночь тринадцатого на четырнадцатое — и получила лист, в котором всё было

ровно так, как обещал Никита из «Ритм-Центра».

01:47:02 — «Ритм-Север», закрытие транзитного заказа. Устройство: iPhone SE. Сессия: активная.

01:47:09 — «Усачёва, 26», смена статуса на «вручено лично». Устройство: iPhone SE. Сессия: активная.

Два действия, семь секунд разницы, одна сессия, один и тот же телефон.

Аня откинулась на стуле и посмотрела на стену.

Если это правда, то Кирилл Одинцов закрыл заказ на Нижней Масловке, не выезжая из Хамовников, — то есть был в двух местах города одновременно, и его собственный телефон подтверждал оба места.

Если это неправда, то кто-то умел писать в журнал авторизаций «с его устройства».

Аня нашла в поиске строку, за которую можно было потянуть. Транзитный заказ был не анонимным: у него, как у любого заказа, был исполнитель, который принимал груз на складе, и отправитель — тот, кто этот груз в систему завёл. Аня развернула карточку.

Отправитель: Р. Тихонов.

ID: 4417.

Она уставилась на экран.

— Кто это? — спросила она вслух.

Затем открыла общий поиск по сотрудникам.

Тихонов Роман Владимирович. Курьер. ID 4417.
Дарк-стор «Ритм-Север». Первая смена: 2 года 4 ме-

сяца назад.

Номер телефона. Фотография — размытая, из старой загрузки. Статус — «активен».

Аня посмотрела на дату регистрации.

Два года четыре месяца.

Она открыла следующую вкладку — базу по лицам, куда у неё был доступ, и вбила фамилию.

Результат пришёл через сорок секунд.

Роман Владимирович Тихонов, сорок один год, уроженец Московской области. Умер шесть лет назад. Машина, ночная дорога, левый поворот.

Паспорт — тот самый, который был указан в системе «Ритма» как документ курьера, — признан утерянным за четыре месяца до регистрации в сервисе.

Аня перечитала это дважды.

Технически всё было просто: где-то в базе данных «Ритма» сидел курьер, которого не существовало. Паспорт мёртвого человека, номер телефона — Аня проверила — не зарегистрирован ни у одного оператора. Аккаунт, который числился активным два года и четыре месяца.

Она запросила его историю заказов.

Список был длинный. Аня прокрутила вниз, потом к середине, потом снова вниз, и цифра, которую она получила, была не маленькая, но и не огромная.

Заказов: 214.

Аня стала открывать их по одному, как открывают чужие

ящики: с ощущением, что за тобой никто не следит, и всё равно оглядываешься.

Первый: обычная доставка, Сокол, закрыто по коду.

Второй: отказ клиента.

Третий: перенос.

Двадцатый: закрыто без кода, «вручено лично».

Пятьдесят второй: закрыто без кода, «вручено лично».

Сто четвёртый: закрыто без кода, «вручено лично».

Аня заметила закономерность к сто пятидесятому и потом только проверяла её.

Фотоотчётов — ни одного. Комментариев — ни одного. Оценок клиента — ни одной. Все заказы закрыты ручной корректировкой, и в графе «терминал» у всех стояло одно и то же:

ОР-06.

Она записала. Потом переписала крупно, отдельным листом, потому что в этом деле у неё уже вошло в привычку писать то, что нельзя объяснить.

12:30. Улица, скамейка у метро «Фрунзенская»

Аня позвонила в Московскую область, в город, где жил Тихонов, и разговор получился коротким и неприятным.

— Да, — сказала женщина на другом конце. — Только что я вам скажу? Шесть лет, как похоронили. Паспорт украли ещё при нём, он заявление писал. Я думала, всё, забыли.

— А после его смерти паспортом никто не интересовался?

— Нет. А что, нашли?

— Пока нет, — сказала Аня. — Уточняю.

Она попросила прислать скан заявления об утере и села на скамейку у метро.

Фрунзенская в двенадцать дня была полна людей, которые шли мимо с пакетами, с детьми, с телефонами. Аня посмотрела на них и впервые за два дня почувствовала, как сильно она устала: ночь без сна, три допроса, управляющая компания, сервисная учётка Артёма, а теперь мёртвый человек, который двести четырнадцать раз вышел на работу.

Она достала телефон и позвонила Стасу.

— Стас, слушай. Мне нужно пробить одно «устройство» по всем заказам. Не по людям, а по терминалам.

— Что за устройство?

— ОР-06.

— Ты имеешь в виду не устройство, — сказал Стас. — Это терминал. Обозначение терминала в операционном контуре. Их восемь, от ОР-01 до ОР-08. ОР-06 — один конкретный компьютер, двенадцатый этаж, Башня.

— Значит, в заказах «Тихонова» стоит не курьер, — сказала Аня, — а компьютер, с которого вручную правили статусы.

— Именно, — согласился Стас. — И я тебе ещё интереснее скажу: я прогнал по нему выборку. Все заказы, где в графе «устройство» стоит ОР-06, за последние два года — их почти тысяча. И восемьдесят процентов из них оформлены

на одного и того же курьера.

— На Тихонова.

— На Тихонова. — Стас помолчал. — Аня, у этого Тихонова, судя по системе, есть только одна особенность: он никогда не берёт отпуск.

13:10. Отдел, кабинет 314

Аня вернулась в кабинет и разложила на столе то, что у неё было.

Первый лист: заказ 880-14, Усачёва, закрыт в 01:47 с телефона Кирилла. Правки в журнале нет.

Второй лист: камера подъезда, дырка с 01:41:07 по 01:53:00.

Третий лист: Роман Тихонов, ID 4417, мёртвый шесть лет.

Четвёртый лист — тот, который она выписала сегодня:
ОР-06.

Шесть лет мёртв. Два года в системе. Двести сорок два заказа. Один терминал.

Аня положила листы рядом и посмотрела на них так, как смотрят на схему, в которой не хватает одного числа.

Потом открыла карточку Тихонова ещё раз и отсортировала его заказы по дате.

Ей нужно было посмотреть не на первый и не на последний, а на самый странный. На тот, у которого не было ни клиента, ни причины. Аня пролистала две сотни строк, упёрлась в середину списка и остановилась.

Ночь с 13 на 14 января. Складочная улица.

**Заказ 003-19. Отправитель: Р. Тихонов, ID 4417. Зак-
крыт: 03:39:50.**

Она откинулась на спинку стула.

03:39:50. Правка с терминала ОР-06 — в 03:39:40. Заказ
Тимура Варламова закрыт — в 03:41:17.

Три строки, три времени, и между ними — десять секунд
и минута двадцать семь.

В ту ночь на Складочной человека в велокуртке вытесни-
ли с дороги, и он умер на асфальте. Мёртвый курьер Тихонов
в 03:39:50 закрыл там заказ. Живой курьер Тимур Варламов
закрыл свой в 03:41:17, через восемь минут после того, как
врачи записали время смерти.

Аня сняла трубку и набрала Тарасова. Потом посмотрела
на часы — обед, полковник в это время не любит, — и трубку
положила.

Она выписала на отдельном листе четыре строки:

03:39:40 — правка ОР-06.

03:39:50 — заказ Тихонова на Складочной.

03:41:17 — заказ Тимура

*Кому-то нужно было, чтобы в три тридцать девять на
Складочной стоял не человек, а аккаунт.*

Глава 11. Другой курьер

День 4. 18:10. Пятницкая, мастерская

К вечеру в подвале у Гоши собралось четверо — столько в эту мастерскую вообще влезало.

Пахом, молодой, в дождевике, который он не снимал даже внутри, сидел на полу, привалившись спиной к верстаку, и в наушниках у него играло что-то, слышимое только по стуку. Марго, двадцать семь, с чёрными ногтями и тонкой татуировкой на шее, устроилась на диване и листала телефон. Гоша, как обычно, подклеивал. Кирилл стоял, потому что сесть было некуда.

За окном, если бы в подвале было окно, шёл дождь четвёртые сутки.

— Тихонов? — Пахом вынул один наушник. — Тихонов — это который призрак.

— Какой призрак? — спросил Кирилл.

— Ну ты что, не знаешь? — Пахом засмеялся, но без веселья. — У них на «Севере» есть курьер, который берёт заказы и не выходит на смену. Никто никогда его не видел. Вообще никто. Ребята с «Севера» говорят: приходит заказ, а в списке исполнителя уже стоит Тихонов.

— И что с этими заказами?

— А ничего. — Пахом пожал плечами. — Они закрываются сами. Через час, через два. Никто никуда не едет.

— Это баг, — сказала Марго, не поднимая глаз от телефона. — У них там половина багов. У меня в марте заказ на «Центре» принял курьер, которого уволили ещё в декабре.

— И что?

— И ничего. Заказ закрылся, деньги с клиента сняли. — Она подняла глаза. — Я потом в поддержку писала, мне ответили: «Данные корректны».

В мастерской стало тихо, слышно было, как капает кран.

— Кирилл, — сказал Гоша, не отрываясь от камеры, — расскажи им.

Кирилл рассказал коротко. Восемь предложений: заказ на Усачёву, кода нет, статус вручную, звонок из безопасности, «история поездки» с девятнадцатью минутами, два заказа одной минутой с одного аккаунта.

Пахом слушал и постепенно перестал улыбаться. Марго отложила телефон.

— Два заказа одной минутой, — повторила она. — Это как?

— Значит, система приписала их мне, — сказал Кирилл. — Или у кого-то есть мой телефон.

— У кого?

— У человека, который умеет писать с моего устройства.

— Слушай. — Пахом подался вперёд. — Ты в курсе, что в прошлом году у нас у одного пацана так же было? У него аккаунт закрыл доставку в Люберцах, когда он спал в Бутове. Ему потом полгода вычитали.

— И что он сделал?

— Ничего. Он взял и ушёл в «Ящик», к конкурентам. — Пахом развёл руками. — И знаешь что? У него теперь всё отлично. У них там хоть и жёстко, но если у тебя косяк, тебе говорят, какой косяк.

Гоша отложил камеру, вытер руки и повернулся к Кириллу:

— Я тебе скажу то, что говорю всем. Ты хочешь справедливости. Справедливость, Кирилл, это когда ты кому-то понадобился. А ты сейчас никому не понадобился: тебе некому верить, кроме меня, — я через месяц продам мастерскую и уеду к брату в Орёл, потому что не тяну аренду.

— И что ты предлагаешь?

— Ничего не предлагаю. — Гоша посмотрел на него устало. — Я тебе говорю: уходи. Это коробки. Ты их возишь, они тебя возят. Не надо с ними ссориться, они большие и у них юристы.

Кирилл молчал.

Он смотрел на свои руки — ладони вниз, мозоли от руля, — и думал о том, что если сейчас уйти, то он уйдёт не из «Ритма». Он уйдёт из того единственного места, где у него была хоть какая-то опора: из привычки всё проверять.

— Я подумаю, — сказал он, как говорил обычно.

20:40. Дербеневская набережная, дарк-стор «Ритм-Юг»

Смена на Юге начиналась в двадцать один, и Кирилл приехал раньше, как всегда.

Он переоделся, зашёл на склад, прокатился по привычной карусели: получил термосумку, проверил свет, заклеил фонарь новым скотчем, отметил в системе. Всё было как всегда — и это «как всегда» впервые за четыре года не успокаивало.

Он приложил телефон к сканеру.

Красный экран.

Доступ к смене не предоставлен. Обратитесь к диспетчеру.

Кирилл приложил ещё раз. То же самое.

Он пошёл к стойке диспетчера — за перегородкой сидела Оксана Викторовна, женщина, которая работала здесь, кажется, с открытия склада, и знала всех курьеров по именам и по скандалам, — и она посмотрела на него снизу вверх так, как смотрят на человека, о котором уже в курсе.

— Одинцов?

— Оксана Викторовна, у меня смена не открывается.

— Знаю. — Она провела пальцем по экрану, потом повернула к нему монитор. — Вот. Тебе смена не поставлена, потому что ты в списке на переаттестацию.

— На какую переаттестацию? У меня платина.

— Платины у тебя нет. — Она сказала это буднично, как сообщают о погоде. — Смотри.

На экране была его карточка.

Одинцов Кирилл Андреевич.

Рейтинг: базовый.

Смена: не назначена.

Причина: переаттестация (внутренняя проверка).

Дата: уточняется.

— Почему базовый? — спросил Кирилл. — Я четыре года в «платине».

— Приказ. — Оксана Викторовна даже не пожала плечами: она была человеком, который давно живёт по принципу «не я придумала». — Мне пришёл список, я его выполнила. Хочешь — пиши в кадры.

— Кто приказ подписал?

— Кадры. — Она посмотрела ему в глаза и повторила тише, уже не по инструкции: — Кирилл, ты нормальный мужик, я тебе говорю как есть. Я тебя в этом списке вижу первый раз за четыре года. Обычно в такой список попадают те, кто спорит с системой. Ты спорил?

— Я писал про время, — сказал он. — В декабре.

— Ну вот. — Оксана Викторовна вернулась к своим бумагам. — Значит, дописался.

Кирилл вышел на улицу.

На набережной пахло рекой, дизелем и мокрым асфальтом. Курьеры с рюкзаками шли мимо него к воротам — Марго была среди них, и она, увидев его, сбавила шаг, но он покачал головой, и она прошла.

Он стоял на Дербеневской и смотрел на людей, которые

уезжали работать, и впервые за четыре года не понимал, что ему делать.

22:00. Дербеневская набережная, мост

Телефон звякнул, когда он уже выходил на мост, и он даже не сразу вынул его из кармана: ждал от диспетчера, от кадров, от кого угодно.

Пришло уведомление из приложения.

Ваш аккаунт переведён в режим внутренней проверки. До завершения проверки доступ к сменам, заказам и истории поездок ограничен.

Запросы на выгрузку данных обрабатываются в порядке общей очереди. Срок: до 30 рабочих дней.

Кирилл перечитал это дважды.

Тридцать рабочих дней.

У него был лист смены — бумага. У него был велокомпьютер — прибор, который никто не мог переписать удалённо. И было ещё что-то, чего у него теперь не было: доступ к собственной истории.

Он вернулся к перилам, посмотрел на мокрую Москву — на огни, на машины, на гаражи на той стороне — и достал телефон.

Аня ответила после второго гудка.

— Одинцов? Что случилось?

— Меня закрыли, — сказал он. — Рейтинг сбросили, смену не ставят, доступ к истории ограничили на тридцать ра-

бочих дней. Формулировка: «внутренняя проверка».

Она молчала секунды три.

— Когда именно вы узнали?

— Час назад, на складе.

— Одинцов, — сказала Аня, и голос у неё стал тем самым спокойным, который у людей её работы означает, что они уже всё поняли, — они не наказывают вас за декабрьское обращение. Они убирают свидетеля. Вас выводят из системы до того, как вы вынесете из неё то, что нужно.

— А что мне нужно вынести?

— Вашу историю, — сказала Аня. — Пока вы её видите. Завтра в девять у меня. И, Кирилл Андреевич... — она впервые назвала его по имени, — не пишите больше в поддержку. Совсем ничего.

Глава 12. Сделка

День 5. 08:20. Отдел, кабинет 312

Полковник Тарасов начинал день одинаково: чай, папка, чай.

Он сидел за столом в рубашке, застёгнутой на все пуговицы, хотя в кабинете было тепло, и на столе перед ним лежала папка, которую он не открывал, — а это означало, что разговор будет неприятным.

— Крылова. Садись.

Аня села.

— Я тебя слушаю, — сказал Тарасов. — У меня в отделе вторые сутки дело об исчезновении, и у меня до сих пор нет версии. Есть только твои записки про коврики.

— Есть версия, — сказала Аня. — Только она не про курьера.

— Хорошо. Излагай.

Аня положила на стол четыре листа — те самые, что она писала ночью.

— В ночь с тринадцатого на четырнадцатое в подъезде дома двадцать шесть по улице Усачёва двенадцать минут не работали камеры. Интервал 01:41—01:53. Вход в систему сделан в 01:41:07 по общей сервисной учётке подрядчика. — Она придвинула второй лист. — В 01:47 заказ Варламовой закрыт статусом «вручено лично», хотя кода получателя

не было. Правки в журнале нет — значит, её вычистили. В ту же минуту с того же аккаунта закрыт транзитный заказ на «Ритм-Севере», на Нижней Масловке. Человек не может быть в двух местах, поэтому закрыли не с телефона, а с терминала.

— Какого терминала?

— ОР-06. Двенадцатый этаж башни, ночная операционная. — Аня положила третий лист. — Этот же терминал стоит в заказах курьера Тихонова, ID 4417. Двести четырнадцать заказов за два года. Паспорт Тихонова оформлен на человека, который умер шесть лет назад.

Тарасов отхлебнул чай, не глядя на бумаги.

— Ну, — сказал он. — И?

— И в тридцать девять минут сорок секунд четырнадцатого января этого года с этого терминала сделана правка «восстановление хронологии». Через десять секунд аккаунт Тихонова закрыл заказ на Складочной. Через минуту двадцать семь аккаунт Тимура Варламова закрыл свой. Тимур Варламов в это время был мёртв.

Полковник отставил чай и посмотрел на неё тяжело.

— То есть ты мне сейчас принесла не курьера, — сказал он. — Ты мне принесла башню, терминал и мёртвого человека.

— Да.

— А теперь слушай меня, как начальник, а не как человек. — Тарасов положил ладонь на папку. — Мне что нуж-

но? Мне нужно дело, которое можно доложить. Мне нужно обвинение, которое держится. У меня есть человек, который последним был у двери пропавшей женщины, чей телефон закрыл заказ, чей аккаунт стоит в журналах. Это всё, что у меня есть, и это, между нами, отличный материал.

— Материал — да. Обвинение — нет. У него алиби по коврику, а у системы нет ни одной целой записи за эту ночь.

— Значит, надо сделать так, чтобы у меня был свидетель. — Тарасов открыл папку, и Аня поняла, что разговор был отрепетирован ещё до её прихода. — Я готов пойти тебе навстречу. Оформляй Одинцова свидетелем. Не подозреваемым — свидетелем. Но тогда у меня к тебе три условия.

Он загнул первый палец — толстый, с коротким ногтем, как у человека, который всю жизнь носит бумаги и не носит ручку.

— Первое: он даёт подробные показания, официальные, с подпиской. Второе: по делу о «Ритме» ты без моего разрешения не делаешь ни одного шага, потому что ты не прокуратура. Третье: — второй палец, — ты отвечаешь за него лично. Если он сбежит или если он врал тебе хотя бы в одном слове, я тебя снимаю с должности без разговоров. Ты готова?

Аня посмотрела ему в глаза.

— Готова, — сказала она.

— Тогда вот тебе ещё одна новость, — сказал Тарасов и наконец открыл папку. — Вчера вечером из моего дела запросили материалы. Не через прокуратуру, не через главк —

по рабочему телефону. Звонили, назвались помощником и попросили «в порядке ознакомления» прислать всё, что есть по Усачёвой, включая фотографии.

— Кто звонил?

— Я не знаю. — Полковник захлопнул папку. — И это единственное, что мне в этом деле не нравится больше всего. Из моих бумаг кто-то выносит сведения. Значит, Крылова, у тебя внутри тоже кто-то есть. — Он поднял на неё глаза. — И, судя по тому, как они спешат, ты ходишь рядом с правдой.

11:00. Пятницкая, кофейня у мастерской

Они сидели в маленькой кофейне, где было шесть столиков и витрина с сэндвичами, которые никто не покупал.

Кирилл пришёл с распечаткой истории поездок, листом смены и велокомпьютером. Он положил всё на стол, как инженер раскладывает перед комиссией документацию: ровно, по порядку, ничего лишнего.

Аня, в свою очередь, положила перед ним две бумаги.

— Читайте. Первая — постановление о признании вас свидетелем по делу. Вторая — обязательство о неразглашении, которое вы подписываете, потому что мы с вами теперь работаем вместе, а в этом отделе нельзя болтать даже у кулера.

Кирилл прочитал обе, медленно, шевеля губами, как читают документы люди, которых один раз в жизни обманули бумагой.

— Тут написано, что я свидетель, — сказал он. — А вот тут, внизу, — что я обязан явиться по вызову в течение суток. Это не свидетель. Это подписка.

— Это гарантия, — сказала Аня. — Я вам объясню, как это работает, Кирилл Андреевич. Без бумаги вы — курьер, у которого кончилась платина. Вас могут вывезти в лес, пригласить в офис, уволить по статье, назвать в прессе человеком, который «последним видел женщину». С бумагой вы — свидетель следственного отдела. Вас всё ещё могут не любить. Но вас нельзя стереть.

Он кивнул.

— Тогда я вам тоже скажу, — сказал он. — Мне нужно то же самое. Вы сейчас получите от меня всю мою бумагу, весь мой лист, мой прибор. Это всё, что у меня есть честного. Но мне взамен нужно одно: я буду знать, что происходит. Не «в рамках следствия», не «вам сообщат», а по-человечески. Иначе я вам не свидетель, а инструмент.

Аня смотрела на него секунду.

— Это не по регламенту, — сказала она.

— Я знаю. Я по регламенту четыре года ездил.

— Хорошо, — сказала Аня и достала ручку. — Тогда так. Я не буду вам врать. Если я не могу сказать — я скажу «не могу». Если меня отстранят — а меня, скорее всего, отстранят, — я позвоню вам сама. Договорились?

Она написала на салфетке номер телефона — не рабочий, свой — и подвинула ему.

Кирилл посмотрел на салфетку, потом на неё.

— У вас на ладони что написано? — спросил он.

Аня посмотрела на свою левую ладонь. Маркером, поверх вчерашнего «свет», было написано: **ОР-06**.

— Если я не пишу на руке, — сказала она, — я забываю. Это как ваш лист смены, только хуже.

Он редко улыбался, но тут улыбнулся — коротко, одним углом рта.

— Тогда у нас будет работать, — сказал он.

Они просидели ещё сорок минут: она писала, он отвечал, и когда они вышли, у неё в блокноте был весь его лист смены, переписанный от руки, а у него в кармане — салфетка с номером, которая ему ещё пригодится.

ЛОГ 03:40

Служебная сводка суточного контура. Срез сформирован: 03:40:00.

Записей с признаком «ручная корректировка»: 2.

Терминал: ОР-06; ОР-06.

Основание: восстановление хронологии; исполнение регламента, п. 4.3 (закрытие транзита).

Комментарий оператора: —

Согласование: —

Свидетель по делу № 880-14: ограничение доступа к личной истории заказов (внутренняя проверка).

Замечание смены: линия «Усачёва, 26» закрыта.

Замечание смены: кв. 27 — цикл завершён, забор выполнен.

Подпись смены: Б. Л.

Глава 13. Пакет без отправителя

День 5. 19:40. Черёмушки, квартира Кирилла

Квартира у Кирилла была маленькая и жила по расписанию смен: тёмная днём, светлая ночью.

Одно окно, кухня-ниша, кровать, стол. На столе — старые карты Москвы, свёрнутые в тубусы, коробка с карандашами и лист ватмана, на котором он раз в неделю рисовал Соне карту её двора: дома, песочницу, качели, дерево, где живёт белка, и обязательно — стрелку «отсюда до папиной работы».

Он поставил чайник, сел и открыл телефон.

Приложение «Ритма» встретило его серым экраном: доступ ограничен. Ни истории, ни заказов, ни смен. Формулировка была сухая, казённая и, как всё казённое, не оставляла ни щели.

И в этот момент телефон звякнул.

Он звякнул знакомо — так, как звонит только служебный звук приложения, короткий двойной сигнал, который Кирилл слышал по восемь раз за смену и узнал бы в любой глухоте.

Новый заказ принят.

Он уставился на экран.

Серый баннер с надписью «доступ ограничен» ещё висел на месте. А поверх него, в уведомлении, висело новое:

Заказ 118-77. Маршрутный. Отправитель: не указан. Получатель: определяется по коду. Вес: 0,4 кг. Комментарий: «Довези до конца. Не открывай».

Кирилл медленно поставил чайник на плиту и сел обратно.

Аккаунт в проверке. Смены нет. Заказы недоступны. И при этом ему приходит заказ.

Он открыл уведомление. Приложение развернуло карточку — серую, полупрозрачную, будто её показывали через запотевшее стекло, — и он прочитал адреса.

Три точки. Все — в промзоне на Складочной: старая проходная у железнодорожной ветки, площадка за бывшим складом и пустырь у развязки. Ни одной квартиры. Ни одного подъезда. Только три точки, отмеченные на карте, как маршрут.

Внизу карточки мелким шрифтом стояло:

Точка 2: время прибытия — 03:40. Отметка обязательна.

Кирилл сидел в тихой кухне и смотрел на эту строку.

Три сорок. Он уже знал три времени в этом городе: 01:47, когда закрыли заказ на Усачёвой; 03:39:40, когда с терминала ОР-06 ушла правка; 03:41:17, когда мёртвый курьер закрыл свою доставку.

Три сорок — это стрелка часов, в которую система каждый день собирает свои сутки. И кто-то хотел, чтобы в эту минуту Кирилл Одинцов стоял в промзоне на Складочной

улице. Один, без свидетелей, без камер, там, где весной нашли тело Тимура Варламова.

Разумных вариантов было два.

Первый: это ловушка. Кто-то в системе очень хочет, чтобы человек, который всё видит и всё записывает, оказался ночью в безлюдном месте.

Второй: это не система.

Он подумал об этом вслух, тихо, как думают люди, живущие одни:

— Отправитель не указан.

Если отправителя нет, то на самом деле он всегда есть. Просто его не хотят показывать в приложении. И человек, который умеет делать заказы без отправителя, — тот же человек, который умеет вписывать в подъезд чужие дырки в камерах.

Он позвонил Ане. Услышал «аппарат абонента недоступен» — она была на совещании или в дороге, — и отправил сообщение: «Мне пришёл заказ на мой закрытый аккаунт. Складочная, три точки, одна в 03:40».

Ответ пришёл через семь минут.

Аня: *Ничего не делайте. Это провокация. Ждите меня, я позвоню.*

Кирилл прочитал и убрал телефон в карман.

Потом посмотрел на тубусы со старыми картами, на лист ватмана с недорисованным двором, на велокомпьютер, лежащий на столе, как маленький серый камень.

Он вышел в коридор, натянул куртку, проверил фонарь и взял с полки бумажную карту Москвы — ту, на которой Складочная улица выглядела как длинная нитка между заводами, складами и железной дорогой.

22:10. Складочная улица, промзона

Ночью промзона не пустая. В ней живут свои огни: фонари над проходными, красный маяк на трубе котельной, окна дежурных будок, десятков фур, стоящих на подъезде к складам.

Кирилл ехал по левой стороне, медленно, держась середины дороги, потому что асфальт у обочин был раскрошен. Справа тянулась железнодорожная ветка, слева — бетонный забор в две высоты человеческого роста, за которым горела единственная лампа.

Точка первая. Старая проходная: будка, окна заклеены, табличка снята. Ничего.

Точка вторая — ближе к бывшему складу. Кирилл нашёл её по карте: за воротами, у стены, где асфальт отсырел настолько, что фонарь отражался в нём, как в воде. Тут он остановился.

Никого.

Он посмотрел на время: 22:12.

До 03:40 — пять с половиной часов. Он не собирался ждать пять с половиной часов в промзоне, чтобы проверить, кто придёт.

Он собирался посмотреть на третью точку.

Кирилл свернулся в седле и поехал дальше — мимо складов с погашенными окнами, мимо контейнерной площадки, где ветер гонял куски плёнки, — и на перекрёстке, где Складочная уходила к развязке, увидел впереди свет.

Не фонарь. Фары.

Машина стояла поперёк дороги — тёмная, без опознавательных знаков, с погашенным салоном. Кирилл сбросил скорость и не стал делать того, что делают все: не стал разворачиваться. Разворот в промзоне — это как признание. Он просто поехал дальше, ровно, как ехал.

Из машины вышел человек.

Он был широкий, коротко стриженный, с той характерной борцовской посадкой, когда человек стоит расслабленно, но опирается на всю стопу, готовый двинуться в любую сторону. На нём была куртка курьера «Ритма», застёгнутая доверху, поверх рубашки.

Кирилл узнал его не сразу. Потом узнал: супервайзер Мальцев, с которым он дважды пересекался на складе и оба раза — без повода.

— Одинцов, — сказал Мальцев. Он не спрашивал. — Ты далеко собрался.

— Работаю, — сказал Кирилл.

— У тебя доступа нет. — Мальцев подошёл на три шага, остановился, посмотрел на велосипед, на рюкзак. — У тебя смена снята, рейтинг базовый, история закрыта. Ты, Кирилл,

вообще-то сейчас не работаешь. Ты гуляешь ночью по промзоне, где в январе человека убили.

Кирилл держал велосипед между собой и им, потому что так было правильно, хотя и понимал, что это ничего не меняет.

— Мне пришёл заказ, — сказал он. — Через приложение. С маршрутом по этой улице, с отметкой в три сорок.

Мальцев помолчал.

— Не приходит, — сказал он. — Тебе ничего не приходит. Ты сам себе заказ придумал.

— Я могу показать.

— И я могу показать, — сказал Мальцев спокойно. — Я могу показать протокол, как курьер Одинцов ночью в промзоне искал место, где умер Варламов. Мне это займёт полчасика. Понимаешь?

Ветер тащил по асфальту целлофан, и он шелестел, как что-то живое.

— Зачем ты здесь? — спросил Кирилл.

— Сказать тебе одну вещь. — Мальцев подошёл ещё на шаг, и Кирилл увидел на его левой руке свежую ссадину на костяшке, тёмно-красную, будто шкурку стёрли о шершавое. — Тот курьер тоже ездил ночью. Тоже всё записывал. Тоже совался туда, куда не надо. Ты посмотри, чем это закончилось.

— Ты про Варламова.

— Я про всех, — сказал Мальцев. — Здесь вообще не

принято ездить ночью без спроса.

Он развернулся и пошёл к машине, и Кирилл смотрел ему в спину и думал о том, что человек в куртке курьера, который сейчас откроет дверь и уедет, только что произнёс самое честное признание, какое он слышал за весь этот год.

У самой машины Мальцев обернулся.

— Заказ у тебя закроется сам, — сказал он. — В три сорок. И тебе не придётся никуда ехать, потому что работал не ты.

Он сел и уехал, не включая дальнего света.

Кирилл остался стоять на дороге.

Он достал телефон — руки у него были холодные, и он подышал на них, прежде чем открыть приложение, — и посмотрел на карточку заказа.

Заказ 118-77. Статус: вручено лично. 22:41. Исполнитель: Одинцов К. А.

Фотоотчёт: нет. Комментарий: «Довези до конца. Не открывай».

22:41. Заказ закрылся через двадцать девять минут после появления. Кирилл стоял на Складочной улице, и его фамилия стояла в системе напротив доставки, которую он не делал.

А вторая точка маршрута ждала своё время: 03:40.

Он сложил телефон в карман, взял велосипед за руль и поехал назад, к метро. За его спиной промзона мигала красным маяком, будто где-то в ней билось сердце, к которому

НИКТО НЕ ХОТЕЛ ПОДХОДИТЬ.

Глава 14. Точка пересадки

День 6. 10:30. Москва-Сити, башня «Меридиан», 12-й этаж

Постановление на изъятие Аня получила утром, за сорок минут, и это была её личная победа: прокурорский подписал без вопросов, потому что в бумаге было три страницы и ни одного слова «Ритм».

В постановлении речь шла о носителях информации по делу об исчезновении Варламовой Елены Сергеевны, а не о работе компании.

Лобби «Меридиана» было стеклянным и холодным, как операционная. Аня прошла через рамку, оставила телефон в ячейке, получила гостевую карту — оранжевую, с номером, — и поднялась на двенадцатый.

Двери открылись в большой зал, где за низкими перего-родками сидели люди в наушниках. Восемь терминалов. Она посмотрела на них и нашла шестой: он стоял не у окна, а в глубине, за колонной.

— Анна Сергеевна?

Юрист компании была женщина лет сорока, в тёмно-синем костюме и с той осанкой, которую дают не спортзалы, а долгие публичные выступления. Её звали Елизавета Андреевна, и она улыбалась ровно столько, сколько требует протокол.

— Мы получили постановление, — сказала она, уводя Аню в переговорную с видом на реку. — И, к сожалению, должны вам сообщить: изъятие уже произведено.

Аня остановилась.

— Кем?

— Службой собственной безопасности совместно с представителями профильного подразделения, — сказала юрист. — Вчера в 23:40. Мы передали всю выборку по запросу вышестоящего органа. У нас есть акт, есть опись, всё оформлено.

Аня села.

За окном Москва-Сити стояла в тумане: башни уходили в серое, и было не понять, где кончается стекло и начинается небо.

— По какому запросу?

— По официальному. — Елизавета Андреевна положила на стол папку и придвинула её Ане. — Копия прилагается. Мы очень щепетильно относимся к таким вещам.

Аня открыла папку.

Запрос выглядел безупречно: номер, дата, подпись, оттиск. Всё было правильным, и именно поэтому от бумаги несло холодом.

— Здесь номер не нашего подразделения, — сказала Аня.

— Мы не можем проверять номера, — мягко ответила юрист. — Мы проверяем подпись и основание. Основание есть.

— В этом запросе указано изъять данные терминала ОР-06. С какого числа?

— За два года.

Аня закрыла папку.

Она не стала спрашивать, кому принадлежит подпись. Она даже не стала спрашивать, почему из восьми терминалов выбрали именно шестой: в этом не было никакого смысла, кроме одного — кто-то очень хотел, чтобы именно ОР-06 исчез из-под её рук раньше, чем она до него дотронется.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда у меня просьба по регламенту. Мне нужно подтверждение, что на шестом терминале сегодня работал один сотрудник, и мне нужно его имя.

Юрист подняла бровь.

— Ночная смена оформлена табелем. Я запрошу.

Она вышла и вернулась через десять минут.

— Ночную смену на двенадцатом вчера нёс оператор Гордеева, — сказала она. — Она у нас вторая ночь и, если я правильно помню, сегодня выходная.

Аня уже стояла.

— Дайте её контакты.

— Мы не даём телефон сотрудников без... — Юрист запнулась под её взглядом. — Хорошо. Я вызову её в офис сама. В два часа вам удобно?

Аня уже выходила из переговорной. У лифта она обернулась и посмотрела на терминалы ещё раз.

ОР-06 стоял в глубине зала, за колонной, под желез-

ным козырьком, который обычные сотрудники принимают за часть интерьера. На экране висела серая заставка с логотипом. Монитор был выключен — и всё же Аня смотрела на этот корпус так, будто он мог быть тёплым.

Он был просто компьютером. И всё-таки Аня стояла и смотрела на него секунд пять, как смотрят на дверь, за которой кто-то есть.

13:00. МЦК, станция «Нижегородская»

Они встретились не в отделе и не в кофейне: Аня сама сказала «на платформе», потому что в отделе у неё уже всё было прослушано, наполовину в шутку, наполовину всерьёз.

Кирилл пришёл пешком, без велосипеда. Увидел её изда- лека: тёмная куртка, воротник поднят, узел растрёпан больше обычного, одна рука в кармане. Она не смотрела по сторонам, а смотрела на табло.

— Данные ОР-06 изъяли вчера в 23:40, — сказала она без предисловия. — По запросу, которого не существует. Я успела получить постановление, но не успела им воспользо- ваться.

Кирилл молчал.

— Всё, что у меня есть, — это то, что мы собрали сами: ваш лист, ваш прибор, мои распечатки и то, что вы мне при- несли вчера ночью. — Аня посмотрела на него. — Вы мне принесли вчера то, что сами понимаете.

— Заказ на Складочной.

— Заказ, которого не должно было быть, — сказала она. — Он оформлен на ваш закрытый аккаунт, маршрут по улице, где убили человека, отметка в 03:40, а закрылся он за двадцать девять минут до того, как вы вообще должны были туда приехать. Кирилл Андреевич, вы понимаете, что это значит?

— Что кто-то пишет мне заказы.

— Кто-то пишет вам заказы, — согласилась Аня. — И этого кого-то очень раздражает, что вы их не выполняете.

Поезд подошёл, двери открылись, люди вышли и вошли, и в этом шуме они оба не сказали ни слова — как люди, которые стоят на платформе не для того, чтобы ехать.

— Мне надо вам кое-что отдать, — сказала Аня, когда поезд ушёл. — Официально я этого делать не должна. Если это выяснится, меня снимут быстрее, чем вы доедете до дома.

Она достала из внутреннего кармана карточку — маленькую, серую, SD-карту, в прозрачном пакетике с биркой.

— Что это?

— Копия того, что я успела выгрузить сама, пока изъятие шло. Журнал срезов за полгода, выгрузка по аккаунту 4417, схема заказов ОР-06 за двадцать месяцев. — Она держала карточку на ладони, на той самой ладони с нарисованным маркером «ОР-06». — В суде это может не пройти: копия, нет протокола, неизвестно, кто делал. Но в суде уже и оригинал не пройдёт, потому что его увезли.

Кирилл не взял карточку сразу.

— Зачем вы мне её даёте?

— Потому что у вас есть велокомпьютер, лист смены и привычка всё проверять, — сказала Аня. — А у меня — устав, регламент и начальник, которому сверху позвонили. — Она посмотрела ему в глаза. — Если мы оба будем соблюдать правила, дело закроют через две недели. Материалов хватит на то, чтобы написать «курьер, злоупотребив доступом» и забыть.

— А если нет?

— А если нет — у нас есть эта карточка. И ещё, — она улыбнулась одним углом рта, впервые за всё время, — есть человек, который считает метры. Я почему-то надеюсь именно на вас, Кирилл Андреевич. Наверное, потому что вы единственный, кто за эти дни не пытался мне понравиться.

Кирилл взял карточку. Она была лёгкая, но он держал её так, как держат что-то очень тяжёлое.

— У меня на велокомпьютере нет кард-ридера, — сказал он.

— Значит, возьмите у Гоши, — сказала Аня. — И вот ещё что. — Она застёгнула куртку. — За вами, скорее всего, поедут в ближайшие сутки. Не потому что вы виноваты, а потому что вы удобный. Если вам позвонят из отдела и пригласят на беседу, приезжайте. Не бегайте — бегающего оформят в розыск за один день. А если вам позвонят из «Ритма» — не приезжайте вообще.

Она развернулась и пошла к эскалатору, а Кирилл остался

стоять на платформе, держа в кармане серую карточку, на которой лежали два года чужой системы.

Телефон звякнул, когда он уже спускался.

Не Аня. Незнакомый номер, сообщение без подписи, и текст в нём был короткий, как приказ:

Вторник. 03:20. Нижняя Масловка, у теплотрассы.
Приходи один. Я знаю, кто ты.

Он посмотрел на сообщение, потом — вверх, на стеклянный потолок станции, где отражался свет и висели камеры, которых он уже не мог не замечать.

До вторника оставалось четыре дня.

Аня позвонила через двадцать минут, когда он был уже на эскалаторе, и голос у неё был тот, который она старалась держать ровным и который всё равно выдавал её с головой.

— Кирилл Андреевич, где вы?

— В метро. Еду домой. Что случилось?

— Не выходите больше никуда, — сказала она. — Вас объявили в розыск. Не по исчезновению. Заказ 118-77, — пауза, — тот, который вы мне показали вчера. По документам из него пропал груз. Четыреста граммов, доставка не подтверждена, получатель не найден, в системе стоит ваш аккаунт.

Кирилл остановился на середине эскалатора. Люди обтекали его с двух сторон, и никто не оборачивался, как всегда бывает в Москве, когда человек вдруг перестаёт двигаться.

— Я его не выполнял.

— Я знаю, — сказала Аня. — И я даже знаю, что это значит. — Было слышно, как она застёгивает куртку, как шумит улица на другой стороне. — Кто-то очень вовремя решил, что вам нужно посидеть в СИЗО ровно на те дни, пока в городе идут эти три сорок.

— Что мне делать?

— Ничего. — Аня говорила теперь быстро и тихо. — Я успею подать ходатайство. Только не садитесь на поезд, никуда не уезжайте и не берите новых заказов. И никогда, слышите, никогда не берите заказов без отправителя.

Он убрал телефон в карман.

До вторника оставалось четыре дня, и в этих четырёх днях у него было: чужой заказ, объявленный розыск, серая карточка с двумя годами чужой системы и адрес на Нижней Масловке, куда почему-то очень хотелось приехать ровно в 03:20.

Часть II. СВЕРИТЬ МАРШРУТ

Глава 15. Неизвестный отправитель

Ночь с понедельника на вторник. 03:05. Нижняя Масловка, промзона у теплотрассы

Четыре дня между сообщением и вторником Кирилл провёл так, как проводят время люди, у которых не осталось ни работы, ни дома, куда можно спокойно вернуться.

В первую ночь он ещё спал у себя: пришёл, закрылся, выключил телефон и лежал, слушая лифт. Во вторую — понял, что не спит вообще, и перебрался в мастерскую, на диван, который за десять лет пропитался запахом резины и чужого сна.

На третий день в его дверь позвонили двое: участковый и человек в штатском, с папкой. Кирилла дома не было. Соседка, Нина Петровна, рассказала ему потом по телефону, что они постояли, записали что-то и ушли, и что из квартиры ничего не выносили, потому что у них не было с собой ключей. Она сказала это таким тоном, будто извинялась за то, что не предложила им чай.

Вечером того же дня позвонила Марина.

— Кирилл, — сказала она, не здороваясь. — Мне сказали, что ты в розыске.

— Не в розыске. Меня ищут, чтобы я дал объяснения.

— Это одно и то же, если объяснять будет соседям участковый. — Она помолчала. — Соня спросила, почему папа не приходит в субботу.

Он стоял в подвале, держа телефон одной рукой, и смотрел на три велосипеда на подставках.

— Скажи ей, что у меня смена.

— Я всю жизнь говорю ей, что у тебя смена. — Марина вздохнула. — Кирилл, я не прошу тебя ничего. Я просто говорю: если тебе нужно, чтобы она и дальше верила, что у папы смена, — тебе надо или разобраться, или уехать. Третьего не будет.

Он сказал «я разберусь» и убрал телефон.

Аня звонила каждый день — коротко, по делу: ходатайство подала, вопрос с розыском держит на себе, до конца недели его не задержат, потому что пока это «проверка», а не дело. Ещё она сказала, что встретилась с Гордеевой в офисе и что разговор получился «не про то, о чём мы думали», и что расскажет при встрече. Больше она ничего не сказала.

И вот наконец настала ночь на вторник.

Кирилл выехал в 02:20 на старом горном велосипеде Гоши — без логотипов, без рюкзака с надписью, в куртке, которую носил только в мастерской. Свой он оставил в подвале, потому что свою узнавали.

Дорога шла через центр: пустые набережные, редкие такси, светофоры, которые в это время работают для себя. Он

пересёк Садовое, ушёл на север, мимо вокзалов, где даже ночью живёт свет — перронные фонари, дежурные, железнодорожные запахи, — и у Савёловского свернул в сторону промзоны.

Нижняя Масловка ночью выглядела как разрез: гаражи, склады, теплотрасса, из которой пар поднимался ровно и густо, как дыхание. Пахло мокрым металлом, мазутом и ванилью — так пахнет кондитерская фабрика, к которой он проезжал кварталом раньше. У бетонного забора стояли три фуры с погашенными огнями; в глубине промзоны кто-то глухо стучал железом по железу.

Кирилл приехал на десять минут раньше и сделал то, что делал всегда: не поехал к назначенному месту, а объехал его.

Он прошёл вдоль теплотрассы пешком, ведя велосипед за руль, отметил входы и выходы: один — со стороны гаражей, второй — через дыру в сетке у железной дороги, третий — по дороге, которой он приехал. У металлической опоры, к которой был приварен козырёк, лежала выцветшая табличка «Осторожно! Пар». Внизу, на бетоне, кто-то давно рисовал мелом цифры — они стёрлись, остались серые тени.

Он нарисовал себе в голове схему — четыре опоры, три выхода, дорога, — и встал в тени так, чтобы видеть теплотрассу и не быть на свету. Посмотрел на время.

03:05. Он пришёл раньше всех, кого мог ждать.

03:20. Никого.

Кирилл стоял, переминаясь с ноги на ногу, и слушал пар.

Пар выходил из трубы ритмично, с шипением, и от него не становилось теплее. Он подумал о том, что человек, который написал «приходи один», почти наверняка стоит сейчас где-то и смотрит, как он пришёл, — и что это «где-то» может быть гараж, дыра в сетке или та же фура с погашенным салоном.

Он перебрал всех, кто мог написать такое сообщение.

Ася — но Ася не стала бы писать «я знаю, кто ты», чтобы потом позвать его в промзону. Гоша — Гоша бы просто сказал при встрече. Мальцев — Мальцев бы сказал это в лицо, как в прошлый раз, без телефона. Кто-то из «Ритма» — но с ним разговаривают иначе: сначала звонок, потом предложение, потом папка.

Оставался один вариант, который Кирилл не хотел произносить даже про себя: человек, который исчез.

Он вспомнил квартиру двадцать восемь: сухой коврик, недопитый кофе, пустое место на полке, ремешок от фонаря без фонаря, куртка мёртвого брата, висящая в шкафу как одежда живого.

В 03:31 ему стало холодно так, что он спрятал руки в карманы.

В 03:38 на дороге за гаражами показался свет.

03:40. Курьер

Свет был не фар. Свет был от налобного фонаря и от ка-

тафотов.

К велосипедисту Кирилл привык узнавать своих за сто метров: у них особая посадка — чуть вперёд, локти мягкие, корпус сам держит равновесие. Этот ехал быстро и не смотрел по сторонам, как смотрят те, кто ищет адрес. Он ехал так, как едут к уже найденному месту.

У теплотрассы, в семи метрах от Кирилла, велосипедист остановился, снял рюкзак, вынул коробку — небольшую, аккуратную, — и поставил её на бетонный выступ у опоры. Потом достал телефон, снял коробку — вспышкой, дважды, — и сделал что-то ещё, чего Кирилл не видел.

— Не спится? — сказал Кирилл.

Парень вздрогнул так, что налобный фонарь дёрнулся и мазнул лучом по трубам.

Ему было лет двадцать пять. Широкие плечи, короткая стрижка, рюкзак с двумя светоотражателями, в ухе — наушник, из которого тихо, слышно было даже отсюда, играло что-то ритмичное. Он смотрел на Кирилла круглыми глазами, и в этих глазах сначала был испуг, а потом — узнавание.

— Ты Одинцов? — спросил он.

Кирилл молчал секунду.

— Да.

— Смену принимаешь? — Парень сразу заулыбался, расслабленно, по-рабочему, как улыбаются люди, у которых всё сошлось. — «Север», Костя. Я тут транзитом. Отдаю — и дальше по своим.

— Что отдаёшь?

— Вот. — Костя кивнул на коробку. — Транзитный, точка четвёртая. Странный, конечно: адрес без дома, просто точка. У нас таких не бывает, я звонил диспетчеру, мне говорят: есть в системе, бери.

— И что там написано по заказу?

— Так вот. — Костя без всякой подозрительности развернул к нему телефон. — Смотри.

Кирилл посмотрел на экран.

Заказ 003-19. Транзит. Вес 0,4 кг.

Точка 4: Нижняя Масловка, теплотрасса (привязка: опора №4).

Исполнитель: Одинцов К. А.

Передать: 03:40.

Исполнитель — он. Кирилл Одинцов, у которого четыре дня не было доступа ни к сменам, ни к заказам, ни к системе, стоял в промзоне, а система считала, что именно он принимает здесь груз.

— Слушай, — сказал Кирилл. — А давно этот заказ оформлен?

— Вчера. — Костя пожал плечами. — Вечером прилетел. Я вообще-то на смену не собирался, у меня выходной, но у нас если заказ висит, его отдают тому, кто ближе. — Он поправил рюкзак. — А ты чего без формы? Тебя же на переаттестацию... — Он осёкся, потому что понял, что сказал лишнее.

— Ты меня знаешь?

— Все знают, — сказал Костя и вдруг смутился по-настоящему, по-молодому, отводя глаза. — Ты вроде нормальный. У нас на «Севере» говорят, тебя подставили. Ну, я не знаю, я не вникаю. Я курьер, мне ехать надо.

Он уже вскинул ногу над рамой.

— Стой, — сказал Кирилл. — Кто заказ создал? В карточке есть создатель?

Костя, уже сидя в седле, глянул в телефон мельком:

— Пусто. Ну, бывает. Ночные транзиты часто без отправителя. Я даже не смотрю. — Он подумал секунду. — Хотя, знаешь, странно: обычно в транзитах всё равно стоит, кто отдал. А тут только ты.

Он уехал, и свет от его налобного фонаря скакал по лужам, пока не пропал за поворотом.

Кирилл остался один.

Коробка стояла на бетонном выступе у опоры №4. Небольшая, картонная, заклеенная скотчем, с белой наклейкой заказа. Из теплотрассы с шипением выходил пар, и в нём коробка выглядела так, будто стоит здесь давно.

Он посмотрел на самую накладную — и наткнулся на первую строчку, которая до этого не имела для него значения, а теперь стала важной.

Отправитель: Одинцов К. А.

Заказ принял он. Заказ отправил он. И заказ пришёл в точку, где в январе умер человек.

04:20. Дербеневская. Мастерская

Гоша был на месте, потому что Гоша почти всегда был на месте, и по его лицу было видно, что он не спал: он сидел в зелёной футболке, с чаем, и слушал ночной эфир по маленькому радио, где мужчина с хрипом читал новости каждые пятнадцать минут.

— У тебя лицо как у человека, который нашёл клад, — сказал он, не вставая. — Только ты не рад.

Кирилл поставил коробку на стол.

— Она на мне оформлена. От меня — мне, — сказал он. — Транзитом, через чужой аккаунт? Нет: через мой аккаунт, который отключён, и через курьера, который ничего не знает. Он получал её на «Севере», тридцать минут доехал и отдал мне вот здесь.

Гоша подошёл, посмотрел на накладную, потом на коробку, потом на Кирилла.

— Ты её открывал?

— Нет.

— Открывай.

— Это чужая посылка, — сказал Кирилл. — Я четыре года ни одной не открыл.

— Это не чужая. — Гоша постучал пальцем по строчке «Отправитель». — Тут стоит твоя фамилия. Значит, по всем законам компании ты имеешь право вскрыть собственный груз. А по всем законам Москвы ты имеешь право узнать,

кто и зачем привёз тебе коробку в промзону, где убили мальчика.

Кирилл смотрел на коробку долго, секунд десять.

Потом сходил за ножом, надрезал скотч — аккуратно, по всей длине, как учили не его, а его самого научила так делать нужда, — и развернул картон.

Внутри был утеплитель: тонкая бумага, нарезанная полосами, и поверх — ничего больше. Никаких записок, никаких предметов, только бумага.

Он начал вынимать полосы одну за другой, и на дне, под третьим слоём, нашёл звонок.

Велозвонок был старый, латунный, с потёртой до блеска кнопкой и рычажком, который при нажатии издавал не звонкий «дзинь» современных звонков, а короткий глухой звук, будто кто-то ударяет по металлическому стакану. Такие звонки делали лет тридцать назад, и найти их можно было только у старьёвщиков, на блошиных рынках, в гаражах — там, где живут вещи, которые никто не покупает дважды.

На нижней стороне, по грязному металлу, кто-то выцарапал две буквы и точку.

Т. В.

Кирилл держал звонок в руке.

Он не сразу понял, что стоит и не дышит, — просто в ушах стало тихо, и даже радио с хрипом исчезло; он смотрел на эти две буквы, выведенные торопливо, с той неровностью, которая выходит, когда человек делает надпись ножом на улице,

положив вещь на колено.

— Тимур Варламов, — сказал Гоша за его спиной очень тихо. — Это же его звонок, да?

— Не знаю, — сказал Кирилл.

— Ты знаешь.

— Я его фамилию узнал четыре дня назад. — Кирилл положил звонок на стол, кнопкой вверх. — Я знал мальчишку по имени Тим. Я учил его ездить по набережной два года назад, у него был велосипед не по росту и звонок сломан. Вот такой. — Он коснулся пальцем латунного стакана. — Я не знал, что его фамилия Варламов. И я не знал, что он умер.

Он помолчал.

— А теперь мне это привозят.

На дне коробки, под полосами утеплителя, лежал последний предмет: сложенный вчетверо лист, обычная бумага из принтера, без наклеек и без логотипов.

Кирилл развернул.

Внутри было четыре слова, написанных от руки, ровно, тем аккуратным почерком, который он видел на корешках папок в квартире двадцать восемь:

Первый круг. Начни здесь.

И ниже, тем же почерком, ещё одна строчка — адрес:

Бывшее трамвайное депо. Складочная ветка, стоянка №2. Километр от поста ГИБДД.

Кирилл расстегнул накладную до конца — она была сложена вчетверо, — и прочитал номер заказа ещё раз.

003-19.

Он вспомнил Аню в кофейне: она читала вслух четыре строчки со своего листа. Правка в 03:39:40. Заказ мёртвого курьера в 03:39:50. Заказ Тимура в 03:41:17.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.